

№36.

1904.

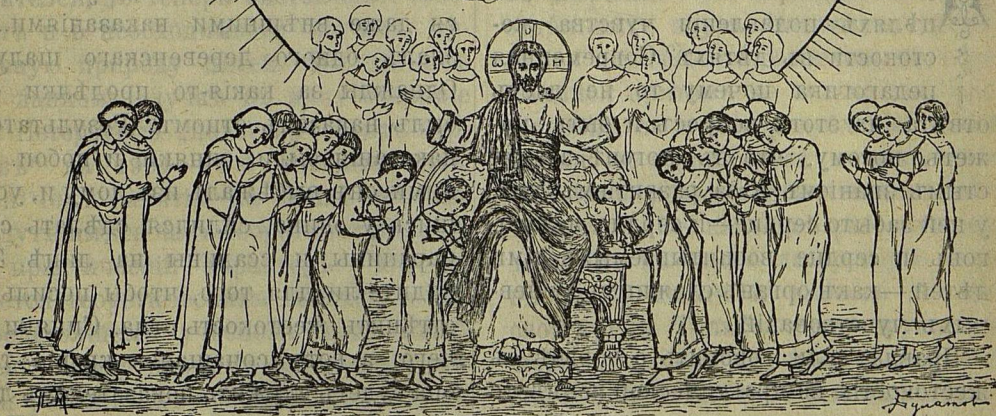
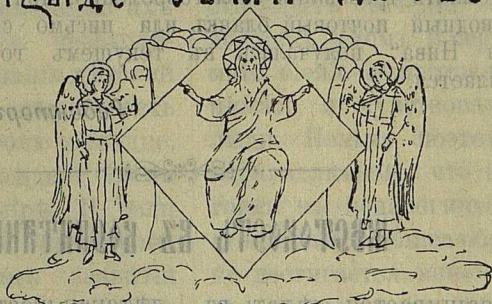
ДЕКАБРЬ.

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМН ДА СЪЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КОМНѢИ
НЕВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЬЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

„БОЖІА НИВА“ въ 1905 году

съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

По принятому порядку мы дадимъ 12 №№ БОЖІЕЙ НИВЫ и 12 книжекъ ЗЕРНЫШЕКЪ для дѣтскаго чтенія. Кроме того, въ будущемъ 1905 г. читатели „Божіей Нивы“, съ благословенія Московск. первосвященителя, получатъ бесплатное приложеніе въ видѣ книги подъ заглавіемъ: БЕСѢДЫ О ВОСПИТАНІИ ДѢТЕЙ, которая въ отдѣльной продажѣ можетъ быть высылаема за 40 к. съ перес. Цѣна остается та же—1 р. въ годъ съ пересылкою.

Журналъ „БОЖІА НИВА“ одобренъ Училищнымъ Совѣтомъ при Св. Синодѣ для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.—Епархіальные Училищные Совѣты могутъ вносить „Божію Ниву“ въ списокъ изданій, требуемыхъ ими изъ Училищнаго, при Св. Синодѣ, Совѣта за счетъ суммъ, ассигнуемыхъ на школьныя бібліотеки.

Подписка на текущий годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера съ приложеніями. Первый томъ **БОЖІЕЙ НИВЫ** (1—12 1902 г.), а также 2-й томъ (13—24 1903 г.) и 3-й, по истеченіи 1904 года (25—36) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к. каждый томъ, а въ коленкоровомъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. **ЗЕРНЫШКИ** можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ.

Во избѣжаніе задержки въ разсылкѣ журнала Редакція покорнѣйше проситъ г. г. подписчиковъ высылать требованія заблаговременно, при возобновленіи подписки наклеивать на переводный почтовый бланкъ или письмо свой печатный адресъ, подъ которымъ „Божія Нива“ получалась въ текущемъ году. Надложнымъ платежомъ журналъ не высылаются.

Редакторъ Епископъ **НИКОНЪ**.

ЖЕСТОКОСТЬ ВЪ ВОСПИТАНІИ.

Но что-же, спрашивается, дѣлать въ дѣтяхъ подавленія чувства жестокости въ дѣтяхъ? Современная педагогика почему-то не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ и быть можетъ потому, что въ погонѣ за чистымъ знаніемъ и за развитіемъ ума, у ней забыто сердце—и сердце педагоговъ и сердце воспитываемыхъ ими дѣтей,—какъ органъ сложныхъ душевныхъ чувствованій...

Правда, если говорить о борьбѣ съ жестокостію на практической почвѣ, то всякій разумно проведенный часъ и даже минута, разумно устроенныя дѣтскія игры, хотя бы даже въ тѣ небольшіе полчаса или четверть часа, которыя отдѣляютъ занятые часы одинъ отъ другого (удача этихъ опытовъ намъ извѣстна), каждое слово вразумленія, такъ естественно могущее исходить изъ устъ учителя при видѣ сломаннаго деревца, убитой птички, обиженнаго судьбою и людьми человѣка—все это есть практическая, опытная борьба съ дѣтскою жестокостію. При этомъ понятно, что особая огрубѣлость дѣтскаго сердца требуетъ и особой заботы о его исправленіи, особаго настойчиваго вразумленія и уже, разумѣется, не физическаго, потому что

дѣтская жестокость иногда улаживаетъ даже внѣшними наказаніями... Я зналъ одного деревенскаго шалуна. Однажды за какія-то продѣлки онъ былъ наказанъ отцомъ. Результатомъ наказанія были синяки и побои. Съ ними онъ выбѣжалъ изъ дому и, усѣвши у овина, силился сдѣлать себѣ парapiны и ссадины на лицѣ. Это, видите-ли, для того, чтобы посильнѣе отплатить жестокости отца. Синяки ничего, а вотъ сочащаяся кровь—такъ она будетъ служить показателемъ дѣйствительной жестокости отца. И по мнѣнію шалуна нужно сдѣлать такъ для того, чтобы кто не посмѣлъ извинить отца и чтобы, такимъ образомъ, его отецъ оказался виновнымъ предъ своимъ мальчуганомъ—сыномъ...

Итакъ, внѣшнее физическое воздѣйствіе не вразумляетъ жестокосердыхъ дѣтей: оно только озлобляетъ ихъ. Понятно, поэтому, что въ тѣхъ случаяхъ, когда труженику народной школы приходится имѣть дѣло съ жестокостію дѣтей, привитою дошкольнымъ періодомъ времени,—въ такихъ случаяхъ ему нужно знаніе душевной жизни ребенка, нужна разсудительность и нѣжность въ обращеніи, обезпечивающая довѣріе шалуна къ сво-

ему учителю, кто бы онъ ни былъ — пастырь или наставникъ. А всѣ эти познанія особенностей испорченной дѣтской природы необходимо вызываютъ къ тому, чтобы руководители дѣтей въ возможно большей степени познакомились съ духовною природою ихъ питомцевъ. И слава Богу, необходимость именно такого познанія дѣтской души, обязывающаго воздѣйствовать не только на умъ, но на волю и сердце, ясно сознается въ послѣднее время и въ педагогическомъ мірѣ. И если прежде здѣсь говорили преимущественно о теоретическомъ развитіи учителей, то теперь настойчиво говорить и о необходимости изучать духовную природу дѣтей. Мы имѣемъ въ данномъ случаѣ въ виду открытіе въ Петербургѣ „педагогическихъ курсовъ“ на 1904—1905 учебный годъ, при чемъ занятія на этихъ курсахъ будутъ имѣть какъ теоретическій, такъ и практический характеръ. Что касается теоретическихъ занятій, то въ предстоящемъ учебномъ году намѣчены, между прочимъ, слѣдующія лекціи различныхъ профессоровъ: о нервной и душевной патологіи дѣтскаго и юношескаго возраста; о воспитаніи ненормальныхъ дѣтей; о криминальной антропологіи; о психофизиологіи органовъ чувствъ; о характерѣ; о психологіи въ связи съ исторіей философіи и педагогикой. Практическія занятія будутъ состоять въ производствѣ наблюденій надъ дѣтьми школьнаго, а отчасти также и до-школьнаго возраста, при чемъ видное мѣсто будетъ удѣлено примѣненію экспериментальныхъ методовъ изслѣдованія. „Нельзя не порадоваться,—замѣчаетъ по этому поводу одна изъ петербургскихъ газетъ,—открытію у насъ педагогическихъ курсовъ, въ основу которыхъ ложится изученіе природы ре-

бенка. Нельзя, конечно, отрицать, что педагогу необходимо, прежде всего, быть образованнымъ человекомъ вообще. Чтобы подготовить своихъ воспитанниковъ къ жизни, онъ долженъ быть въ курсѣ умственныхъ и общественныхъ теченій своего времени, долженъ умомъ и сердцемъ воспринимать бѣніе общественной жизни, понимать и чувствовать, чѣмъ живы люди. Нельзя поэтому не признать справедливымъ, что во главу подготовки къ педагогической дѣятельности ставится общее образованіе. Но оно не достигается, конечно, знакомствами съ „верхами“, съ общими выводами отдѣльныхъ наукъ. Человекъ, стремящійся сдѣлаться образованнымъ, стремящійся притомъ не только къ расширенію, но и къ углубленію своей жизни, не ограничится, по отношенію къ наукѣ, ролью любознательнаго обзрѣвателя. Въ качествѣ рабочаго войдетъ онъ въ самую лабораторію человѣческой мысли и внесетъ въ нее свой трудъ. Только тогда наука можетъ сдѣлаться для него въ полномъ смыслѣ слова научно „дисциплиною“, только тогда сумѣетъ онъ вполне понять характеръ научной работы, проникнуться ея духомъ.

Эти условія являются необходимою предпосылкою серьезной педагогической подготовки; необходимою, но не единственною предпосылкою ея. При современномъ состояніи нашихъ знаній отъ педагога можно требовать еще и специальной педологической подготовки.

Новые курсы призываютъ всѣхъ, такъ или иначе заинтересованныхъ въ дѣлѣ воспитанія, къ живому общенію, распространенію и усвоенію знаній, къ дружной совмѣстной работѣ. Въ основу дѣятельности новыхъ курсовъ кладется изученіе человека, какъ

предмета воспитанія; они исходятъ изъ положенія, что, прежде чѣмъ воспитывать, необходимо знать, кого воспитываешь, необходимо знать душу ребенка. И они стремятся подойти къ этому великому вопросу съ различныхъ точекъ зрѣнія, освѣтить его съ различныхъ сторонъ.

Наблюденіе за душевнымъ міромъ дѣтей, анализъ и сопоставленіе такихъ явленій, можетъ оказаться для педагога цѣннымъ орудіемъ въ дѣлѣ воспитанія. Нельзя не пожелать, чтобы педагоги, получившіе серьезное общее образованіе, сдѣлались бы еще и педологами: всесторонне изучили и, по возможности, полнѣе поняли бы природу ребенка.

Мы охотно раздѣляемъ эти пожеланія петербургскаго корреспондента. Какъ бы хорошо, въ самомъ дѣлѣ, было, еслибы современная педагогика поняла коренные запросы дѣтскаго духа и пошла имъ навстрѣчу. Правда, эта задача „педологическихъ“ курсовъ является лишь только намекомъ, самымъ общимъ рѣшеніемъ насущныхъ вопросовъ общей педагогики. Но въ данномъ случаѣ важно то, что верхи общества, люди ума и образованности, сознають важность этого особаго на правленія въ системѣ воспитанія дѣтей и своими попытками ввести руководителей просвѣщенія въ пониманіе сокровенной стороны природы ребенка даютъ толчки къ болѣе живому и дѣятельному взаимоотношенію воспитывающихъ съ воспитываемыми. Такое взаимоотношеніе необходимо, но оно было бы и плодотворно, если бы не было одностороннимъ, если бы руководители дѣтей знали не одну только „патологію“ ума, но—и воли, и сердца, если бы общество и воспитатели прониклись сознаніемъ того, что людская жестокость есть родная сестра рели-

гіознаго индифферентизма, религіозной холодности и что людская злоба всегда разбивалась о хрістіанскую снисходительность, требующую, чтобы мы не только поболѣли съ дѣтьми и за дѣтей душою, но, врачуя ихъ духовныя немощи, и примѣняли къ нимъ тѣ цѣлѣбоносныя средства, которыя любить, которыми пользуется нашъ простой народъ.

Пусть жестокость будетъ результатомъ впечатлительности, „нервозности“, чуткости и восприимчивости дѣтской натуры; пусть медицина, если сможетъ, врачуетъ такую натуру... Но намъ думается, что каждый добрый руководитель дѣтей сумѣетъ во благо использовать и эту чуткость, и эту „нервозность“ и эту восприимчивость. Въдѣ разные драчуны, шалуны, „жестокосердые“ ребятишки не безчувственны и къ добру. Заговорите съ ними ихъ языкомъ, они откроютъ вамъ и свое сердце. Дайте имъ выразительный примѣръ хрістіанскаго мягкосердечія, и вы овладѣете ихъ вниманіемъ, а это уже первый и рѣшительный успѣхъ въ дѣлѣ врачеванія духовныхъ недуговъ питомца. Мы увѣрены, что и тиранка—дѣвушка, и истязатель—мужикъ, и убійца—каторжникъ, и шестилѣтній преступникъ Вася, какъ и цѣлый сонмъ другихъ черствыхъ натуръ, каковыхъ не мало во всѣхъ слояхъ общества, заставляютъ задумываться надъ собою психологовъ и людей досуга лишь потому, что они своевременно не слышали хрістіанскаго учительнаго назиданія, не встрѣтили добраго руководителя...

Разумѣется, дѣло искорененія дѣтской жестокости дѣло нелегкое. Здѣсь нужны терпѣніе, настойчивость, снисходительность и любовь—словомъ, нуженъ подвигъ. Но въдѣ никакая побѣда не дается безъ борьбы, а вра-

чеваніе духовныхъ недуговъ есть наитруднѣйшая борьба—наитруднѣйшая, но и необходимая, если мы только съ добрымъ намѣреніемъ вышли на поле

брани. А подвигъ учительства, какъ и подвигъ пастырства, есть не только спокойное дѣланіе, но и великая брань, требующая немалого напряженія...

Димитрій Введенскій.

ВНѢШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ДЕРЕВЕНСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Народныя школы кишатъ дѣтьми. Передъ глазами о. законоучителей и учителей сотни школьниковъ. Всматриваясь въ дѣтей, находишь, что всѣ дѣти, сравнительно, благообразны, приучены къ опредѣленному порядку. Передъ началомъ и послѣ уроковъ одни ученики читаютъ, другіе выслушиваютъ молитву, за каждымъ урокомъ всѣ исполняютъ одну опредѣленную работу. Картина отрадная! Здѣсь видны и добрые навыки, и сознательное отношеніе къ полезному, душу облагораживающему, труду. Но взглянемъ за стѣны школы, сосредоточимъ свое вниманіе тамъ, гдѣ дѣти-школьники и нешкольники объединяются въ одну общую группу, гдѣ жизнь дѣтей вообще течетъ при условіяхъ и обстановкѣ, созданныхъ бытомъ и жизнью нашего простолюдина. Что это за жизнь? Чѣмъ бьетъ она въ глаза? О! Здѣсь мы наталкиваемся на печальную картину.

Въ данномъ очеркѣ мы намѣрены подѣлиться съ читателями нѣкоторыми свѣдѣніями, характеризующими жизнь деревенскихъ дѣтей внѣ школы. Вотъ исповѣдь уже пожилого человека.

„Въ моей жизни было три періода. Первый—дѣтство,—говорилъ мой случайный собесѣдникъ,—чистое, безгрѣшное дѣтство. Это пора, когда я былъ довѣрчивъ, набоженъ, къ родителямъ, къ старшимъ почтителенъ, когда я всегда былъ откровененъ; второй—

когда я былъ лукавъ, холоденъ къ храму и молитвѣ, а потомъ и безбоженъ; третій періодъ, это—постоянное раскаяніе за жизнь второго періода, стремленіе къ забвенію всего въ прошедшемъ сквернаго, воскресенію и укрѣпленію въ сердцѣ всего чистаго, безгрѣшнаго“.

— Не будете ли любезны, Н. С., сказать мнѣ, какъ у васъ происходилъ переломъ въ жизни?—спрашиваю собесѣдника.

— Что же, можно, я подробно помню, какъ все это было.

— Въ какихъ лѣтахъ у васъ окончился первый и начался второй періодъ?

— Въ четырнадцать лѣтъ.

— Переломъ у васъ произошелъ самъ собою?

— Нѣтъ, подъ вліяніемъ своего друга.

— Онъ тоже былъ въ вашихъ лѣтахъ?

— О, нѣтъ, онъ былъ старше. Если бы онъ былъ въ моихъ лѣтахъ, то онъ бы меня не могъ интересоваться, и я не подпалъ бы подъ его вліяніе. Въ томъ и бѣда, что онъ былъ старше и опынѣе меня.

— Какъ же онъ васъ училъ плохому?

— Онъ мнѣ лекцій, конечно, никакихъ не читалъ, а просто жилъ своею жизнью, со мною былъ откровененъ, передавалъ мнѣ все, что видѣлъ, слышалъ и что чувствовалъ.

— Что же такое онъ вамъ открывалъ и какъ онъ велъ себя?

— Онъ—любитель пѣнія, постоянно распѣвалъ скверныя пѣсни, рассказывалъ грязныя анекдоты, книжки читалъ плохія.

— И этимъ онъ вамъ понравился?

— Мало того, что понравился, онъ завладѣлъ моей душой.

— Вы бы прекратили съ нимъ дружбу.

— Да, потомъ я прекратилъ съ нимъ знакомство, да было уже поздно. Насъ сама судьба развела съ нимъ, мы разъѣхались по разнымъ мѣстамъ, но память о немъ въ моей головѣ жила,—я невольно все слышанное отъ него припоминалъ, иногда даже кое-что новымъ товарищамъ передавалъ.

— Долго ли вы себя чувствовали, такъ сказать, падшимъ?

— Лѣтъ десять я находился подъ тѣмъ вліяніемъ, подъ которое пришлось подпасть въ лучшую пору человеческой жизни. Да и въ настоящее время—умомъ-то я хорошо сознаю, что гадкое было то время, а въ сердцѣ-то иногда нѣтъ-нѣтъ, да и скажется что-нибудь изъ того періода,—заключилъ мой собесѣдникъ.

— А никто,—спрашиваю,—не пытался вразумить васъ?

— Нѣтъ. Да никто и не зналъ, какъ мы оба добровольно топили себя. Какъ знать о чемъ мы бесѣдуемъ съ своимъ другомъ!... Рѣзкостей очевидныхъ мы не допускали, придратъся къ намъ нельзя было. Съ внѣшней стороны мы всѣмъ казались благовоспитанными мальчиками.

— А какъ самъ живетъ теперь вашъ учитель?

— Не знаю; я иногда его встрѣчаю, но общаго между нами теперь ничего уже нѣтъ,—взволнованно отвѣтилъ Н. С.

Исповѣдь моего собесѣдника до глубины души тронула меня. Я невольно задумался надъ своими питомцами, надъ ихъ жизнью внѣ школы. Невольно, самъ собою, передъ моимъ умственнымъ взоромъ предсталъ вопросъ, кто же и каковы друзья дѣтей, вѣрнѣе сказать, учителя дѣтешкольниковъ внѣ родительскаго дома и школы?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я рѣшилъ получше понаблюдать за жизнью дѣтей внѣ школы, а главное—послушать, какъ сами дѣти свидѣтельствуютъ о своихъ внѣшкольных товарищахъ, непрошенных учителяхъ. Вотъ рядъ ученическихъ замѣтокъ. Д. Шурыгинъ пишетъ: „весной мы — ребятишки — поѣхали въ ночное. Тутъ же былъ одинъ солдатъ, недавно вернувшійся на родину изъ военной службы. Какъ только всѣ мы расположились на зеленой травѣ, военный человѣкъ началъ говорить про свою службу; говорилъ онъ съ мужичками, которыхъ въ ночномъ было человѣкъ пять. Спустя немного времени, онъ сказалъ: „теперь я займусь съ мальчиками“. Мы всѣ приблизились къ нему. Онъ запѣлъ зазорную пѣсню, мы прослушали, а потомъ, по его приказанію, начали разучивать ее и скоро выучили. Послѣ этого мы каждый день распѣвали удалую пѣсню. Но скоро эта пѣсня надоѣла намъ. Тогда нашъ запѣвала пропѣлъ намъ новую пѣсню, но эта была еще хуже первой, даже сказать стыдно, какая это пѣсня. Все таки и эту мы выучили. Наконецъ, распѣвать намъ надоѣло; тогда нашъ учитель началъ знакомить насъ съ прибаутками. И эти были скверныя. Когда же это все намъ опротивѣло, тогда онъ сталъ учить насъ драться, и мы до крови били другъ друга“.

Е. Баевъ пишетъ: „поѣхали мы ночевать въ поле, спутали лошадей. Одинъ мой товарищъ вынулъ изъ кармана бутылку съ керосиномъ, снялъ съ маленькаго мальчика картузь, налилъ въ него керосину и зажегъ. Картузь сгорѣлъ. Забава шалуну поправились. Тогда онъ взялъ керосину въ ротъ, зажегъ спичку и брызнулъ на спичку керосиномъ, но недалеко стоялъ мальчикъ раздѣтый. До него долетѣли капли керосина, и у мальчика вспыхнула рубашка. Моментально мальчикъ оказался въ пламени. Мы всѣ испугались и едва могли спасти несчастнаго“.

Вотъ каковы картинки изъ жизни дѣтей внѣ школы! Что послѣ этого остается думать всѣмъ учащимъ и вообще просвѣтителямъ простаго народа? Но, можетъ-быть, подобные случаи рѣдки, можетъ-быть, другія дѣти укажутъ изъ своей внѣ-школьной жизни на болѣе отрадныя явленія? Не будемъ отвѣчать гадательно, а, попросивъ учителя на минуту терпѣнія, будемъ продолжать и разсматривать дѣтскія замѣтки.

„Много мнѣ приносятъ вреда мои товарищи. Когда я бываю съ ними въ полѣ и начну пѣть что-либо божественное, то они меня ругаютъ. Я отъ нихъ отойду подальше, сяду на свое платье, а они смѣются надо мной, распѣвая скверныя пѣсни. Часто мои товарищи приглашаютъ меня вечеромъ на улицу, чтобы распѣвать скверныя пѣсни“, пишетъ Г. Старостинъ. В. Адриановъ записалъ: „въ полѣ, въ артели, учаютъ только худому. Тамъ только и слышишь, какъ ругаются бранными словами, да ведутъ грѣшныя разговоры. А если станешь уговаривать, то тебѣ отвѣчаютъ: „какой святой, не велитъ ругаться“. Михаилъ Чибиркинъ пишетъ: „я нѣсколько разъ ви-

дѣлъ нехорошее поведеніе товарищей. Нѣкоторые, научившись отъ своихъ родителей сквернословію, научали и насъ—маленькихъ тому же. Припоминая наставленія своихъ родителей, я удалялся отъ такихъ товарищей. Нѣкоторые изъ нихъ сильно сквернословятъ. Однажды я игралъ съ своимъ товарищемъ на муравѣ, которая стелется отъ нашего дома до рѣчки. Къ намъ подошелъ отчаянный мальчикъ и затѣялъ брань съ моимъ товарищемъ, сталъ сильно сквернословить. Я отвелъ своего товарища въ другое мѣсто, но къ намъ пришелъ опять нашъ врагъ и не давалъ намъ поиграть на зеленой травѣ“.—„У меня есть товарищъ Петя. Однажды онъ научилъ мальчика Трофима зажечь ригу. Трофимъ согласился,—пошелъ домой, взялъ потихоньку отъ домашнихъ спички. По дорогѣ къ ригѣ онъ зашелъ въ сосѣднюю избу, взялъ съ собою шестилѣтняго мальчика Николая. Подошли къ ригѣ, но рига была заперта. Тогда они пролѣзли подъ ворота и зажгли немолоченный горохъ. Горохъ былъ сухой, быстро загорѣлся. Мальчики испугались. Трофимъ все-таки успѣлъ выскочить изъ риги, а Николай растерялся, его охватило огнемъ и онъ сгорѣлъ“. Этотъ скорбный фактъ описалъ А. Гладковъ. Случай такой былъ въ Тверской губерніи, Корчевскаго уѣзда въ деревнѣ Саловѣ. Горько и обидно слышать подобное, но дѣло поправить пока еще нѣтъ возможности: до поры до времени необходимо мириться съ мрачною дѣйствительностію. Ив. Тюнеевъ записалъ такой случай: „товарища моего зовутъ Николаемъ. Мы съ нимъ начали вмѣстѣ учиться, но теперь онъ давно уже оставилъ школу. Онъ былъ большой шалунъ и меня часто склонялъ на шалости. Еще ученикомъ школы

онъ имѣлъ у себя табакъ, бумагу и спички. Бывало, пойдемъ куда-либо погулять, онъ достанетъ бумагу, свернетъ папиросу и закуритъ. Мнѣ это не нравилось,—часто я у него вырывалъ табакъ и бросалъ. Но однажды, когда у насъ въ домѣ никого не было, я нашелъ окурокъ папиросы, соблазнился и, по примѣру своего товарища, закурилъ. Но къ счастью у меня тогда разболѣлась голова. Я рѣшилъ, что все это произошло отъ куренія и болѣе не сталъ курить“. Тюнеевымъ записанъ фактъ самый обыкновенный въ нынѣшнее время. За послѣднее время какъ-то мало придають значенія такой дѣтской шалости, какъ табакокуреніе. На на самомъ дѣлѣ, подобная шалость не маловажна. Эта шалость заслуживаетъ со стороны всѣхъ борцовъ за здравіе и вообще благополучіе нашего крестьянина серьезнаго вниманія и всесторонняго обсужденія. Обыкновенно говорятъ: одна бѣда по міру не ходитъ, а другую за собою влечетъ. И это правда. Табакокуреніе само по себѣ явленіе въ дѣтскомъ возрастѣ самое неприглядное. Но этого мало, съ пристрастіемъ дѣтей къ табаку обыкновенно заражаются и развиваются другіе отвратительные пороки. Вотъ цѣлый рядъ замѣтокъ, свидѣтельствующихъ, какъ табакокуреніе неразрывно связывается съ возникновеніемъ въ дѣтяхъ многихъ другихъ дурныхъ привычекъ и наклонностей. „Мой товарищъ часто крадетъ въ своемъ домѣ куриныя яйца; особенно часто къ этому занятію прибѣгаетъ тогда, когда у него нѣтъ денегъ на табакъ и бумагу“, пишетъ Гр. Старостинъ. „Иногда меня мой товарищъ научалъ курить, красть у родителей деньги на табакъ, научалъ дурнымъ словомъ ругаться, смѣяться надъ проѣзжими, научалъ

лазить въ чужой садъ, посылалъ за барскимъ горохомъ“, отмѣчаетъ Б. Стегнинъ. „У меня былъ товарищъ Илья; онъ сынъ крестьянина и нашъ сосѣдъ. Когда я пошелъ учиться, сталъ и его звать въ школу, онъ спросился у матери и пошелъ со мной. Но онъ учился всего два дня, а потомъ бросилъ, началъ курить и ругаться. За это я его не считаю больше своимъ товарищемъ. Когда я былъ маленькій, то имѣлъ съ нимъ крѣпкую дружбу. Онъ хорошій выдумщикъ. Вотъ сдѣлаетъ лавку, меня приставитъ за приказчика, а самъ сидитъ хозяиномъ, а другіе мальчики у насъ покупаютъ товары. Мать и отецъ за нимъ никогда не присматривали: онъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ. Лѣтомъ онъ сталъ лазить по огородамъ, таскать овощи. Я тоже, по малолѣтству, занялся вмѣстѣ съ нимъ воровствомъ. Когда онъ подросъ, то сталъ у матери воровать яйца, покупать табакъ и разные гостинцы. Онъ каждый лѣтній день утаскивалъ по три, четыре яйца. Разъ даже онъ влѣзъ въ карманъ къ отцу, утащилъ 1 р. 50 к. денегъ. Деньги эти онъ прокутилъ дня въ три. Теперь онъ уже большой, но все курить и ругается“. пишетъ такъ откровенно Ив. Абрамовъ. „Я крестьянинъ и воспитаніе получилъ въ крестьянской семьѣ. Маленькимъ я дружилъ со многими товарищами, которые были весьма различны, одни были плохіе, другіе—хорошіе, одни изъ нихъ влекли меня къ пагубному, другіе—къ доброму. Я, конечно, отъ дурныхъ товарищей иногда удалялся, но все-таки вредные товарищи имѣли на меня вліяніе. Они меня часто брали съ собою на воровство. Разъ позвалъ меня одинъ товарищъ на базаръ. Я пошелъ. И

онъ тамъ утащилъ кусокъ матеріи. Послѣ я узналъ, что его даже поймали при воровствѣ, сильно избили и взяли подъ арестъ. Товарища этого звали К—нъ. Я по сіе время не могу забыть его“, пишетъ Н. Кузнецовъ. О подобныхъ дѣяніяхъ своихъ товарищей и лично своихъ весьма многіе изъ моихъ питомцевъ повѣствуютъ. Читая исповѣдь своихъ учениковъ, невольно испытываешь острую боль въ сердцѣ, невольно задаешь себѣ вопросъ: да неужели такъ много грязи на свѣтѣ? Да неужели настолько скользокъ жизненный путь тѣхъ дѣтей, которымъ въ школахъ народныхъ стараются привить одно только хорошее? Насколько же, съ другой стороны, жалки тѣ дѣти, которыя по тѣмъ или другимъ причинамъ совсѣмъ лишены возможности учиться въ школахъ или которыя хотя и учатся, но у учителей или вообще руководителей съ религіозно-нравственной стороны далеко не благонадежныхъ. Подобныя дѣти вдвойнѣ несчастны, они, такъ сказать, безъ вины виноваты.

Въ общемъ, замѣтки дѣтей по разбираемому вопросу однообразны, но въ то же время съ явными проблемами весьма интереснаго. „Мой товарищъ Т.,—пишетъ Ев. Баевъ,—особенный человѣкъ: онъ за карты готовъ душу свою положить. Разъ онъ игралъ съ мужиками въ карты и всѣ свои деньги проигралъ. Мало того, онъ даже проигралъ свой ремень. Отъ неудачи онъ разсердился, схватилъ ремень и пустился бѣжать въ болото, но былъ пойманъ и жестоко наказанъ“. Вотъ примѣръ и пристрастія къ азартнымъ играмъ, и склонности къ мотовству, и жестокой расправы съ виноватымъ. И такія сцены, по заявленію дѣтей, происходятъ въ деревняхъ, словомъ—тамъ, гдѣ жизнь болѣе патри-

архальна. Но что же теперь бываетъ въ городахъ, особенно съ фабричнымъ населеніемъ? Тамъ сцены бываютъ еще ужаснѣе. Припоминаю не одинъ случай жестокой расправы среди фабричнаго молодого люда съ проигравшимися мальчиками. Не буду описывать подробно кровавыя схватки, но лишь скажу, что озлобленіе въ преслѣдователяхъ къ проигравшимся было сильное. Гнавшіеся за своими жертвами, не обращая вниманія ни на что, брали въ руки камни и бросали ихъ по своимъ жертвамъ. И это происходило бѣлымъ днемъ и на глазахъ народа. Но что же было за городомъ, въ лѣсу, куда иногда несчастные скрывались отъ своихъ преслѣдователей? Не давая прямого отвѣта на данный вопросъ, скажемъ только, что вотъ гдѣ кроется одна изъ причинъ, порождающихъ дѣтей-калѣкъ, дѣтей—нравственно испорченныхъ. Обидно за наше подрастающее поколѣніе, обидно за дѣтей-школьниковъ! Вѣдь и они часто бываютъ внѣ школы героями описанныхъ сценъ, но еще чаще бываютъ зрителями многого неблагоприятнаго. Григорій Старостинъ пишетъ: „мой товарищъ Ерема; онъ крестьянинъ, живетъ на нашей слободѣ. Этотъ товарищъ мнѣ не нравится, хотя я съ нимъ и вожусь. Не нравится онъ тѣмъ, что слишкомъ часто ругается черными, нехорошими словами, а потомъ онъ курить, да курить-то какъ! Того и гляди, онъ подавится трубкой. Я думаю, что онъ плохой будетъ человѣкъ, онъ уже пьяница, онъ часто напивается до безчувствія. Онъ и воровствомъ занимается: въ чужіе погребѣ лазить. Лѣтомъ онъ почти каждое воскресеніе рано утромъ ходитъ по чужимъ садамъ, крадетъ яблоки, продаетъ ихъ, а деньги употребляетъ на табакъ и вино. Онъ часто у себя дома

крадетъ куриныя яйца, особенно когда денегъ нѣтъ на табакъ.

„Однажды я иду къ обѣднѣ, а онъ зоветъ меня играть въ карты, но я его не послушался. Я знаю, что онъ плохой человѣкъ, но все-таки люблю его. Вотъ чѣмъ онъ мнѣ особенно нравится: лѣтомъ мы часто ѣздимъ въ луга лошадей кормить. Если я ѣду шибко, то Ерема отъ меня уже не отстаетъ: онъ всегда старается быть со мною“. „Въ дѣтствѣ одинъ мой товарищъ училъ меня худому и очень нехорошему дѣлу — сквернословію. Звать этого мальчика Гриша. Товарищъ Вася курилъ и меня училъ курить. Когда мнѣ было десять лѣтъ, въ домѣ моего отца была свадьба. Одинъ товарищъ сказалъ мнѣ, чтобы я взялъ изъ дома бутылку вина и пришелъ къ нему въ ригу. Я послушался и притащилъ въ ригу вина. Онъ самъ выпилъ вина и меня напоилъ. Послѣ я долго мучился отъ головной боли“, пишетъ В. Гришкинъ.

На дѣтей мы привыкли смотрѣть, какъ на чистыя, невинныя существа. Но, къ сожалѣнію, не всѣ дѣти продолжаютъ быть дѣтьми въ полномъ смыслѣ слова. Цѣлый рядъ фактовъ говорить, что многія дѣти живутъ жизни уже взрослыхъ людей. Мало того, что у нѣкоторыхъ привились пороки, но уже и успѣли принести значительные плоды.

„На родинѣ я находился въ обществѣ товарищей различныхъ характеровъ. Сообщу о самомъ искреннемъ моемъ другѣ. Онъ окончилъ курсъ въ С.-Петербургскомъ Городскомъ Училищѣ. По моему мнѣнію, онъ обладаетъ знаніями больше меня. Я, какъ любитель науки, старался приблизить его къ себѣ и стать въ близкое общеніе съ нимъ. Дѣйствительно, я этого достигъ. Я просилъ его объяснить мнѣ

непонятные научные термины и т. п. Онъ объяснилъ. Я могу кое-что сказать о его личности и характерѣ. Онъ человѣкъ энергичный и находчивый, предприимчивый, способный и, повидимому, честный. Но при всѣхъ его талантахъ онъ ведетъ образъ жизни, недостойный нравственнаго человѣка. Н, сознавая вредъ куренія и дурныя послѣдствія отъ него, курить, поетъ дурныя пѣсни, сквернословить, наклоненъ къ разврату. Причиною его испорченности, по моему мнѣнію, было то, что онъ учился въ городскомъ училищѣ, гдѣ на воспитаніе мало обращаютъ вниманія, и пребываніе долгое среди злонравныхъ товарищей. Онъ самъ передавалъ, что часто они подшучивали надъ учителями и кроткими учениками, даже продѣлывали надъ послѣдними различныя штуки. Хотя мой товарищъ и плохъ, но все-таки онъ мнѣ кажется симпатичнымъ. Онъ не имѣетъ обыкновенія смѣяться надъ другими. Онъ хороший музыкантъ, плясунъ, пользуется у насъ въ селѣ репутаціей ловкаго человѣка. Онъ любитъ читать, книги читаетъ все больше свѣтскія и учебники, онъ готовится держать экзаменъ на званіе земскаго учителя. Теперь онъ въ Петербургѣ. Знакомства съ нимъ я не прекращаю никогда, потому что онъ сообщилъ мнѣ о многомъ непонятномъ, о многихъ петербургскихъ учебныхъ заведеніяхъ“, такъ свидѣтельствуеъ курсистъ Акишинъ. Свидѣтельство это, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Обыкновенно сидишь въ классѣ и не думаешь, что происходитъ въ ученическихъ ушахъ и сердцахъ. И вотъ сами ученики свидѣтельствуютъ, что въ ихъ головахъ иногда совершенно по случайнымъ причинамъ происходятъ довольно серьезные броженія.

По чувству справедливости нужно сказать, что всѣмъ учащимъ недостаточно имѣть дѣло съ учениками только въ классѣ и примѣнительно къ школьнымъ программамъ ограничивать всю свою дѣятельность. Изъ приведенныхъ примѣровъ достаточно видно, что у всѣхъ дѣтей внѣ школы есть жизненная, жизнь, протекающая часто далеко не при благоприятныхъ условіяхъ. Всѣ дѣтшкоть обязательно находятся подъ вліяніемъ совсѣмъ нежелательнымъ: ни Церкви, ни государству, ни семьѣ.

Продолжимъ чтеніе замѣтокъ откровенныхъ учениковъ. Не найдемъ ли еще въ нихъ поучительнаго. „Мой товарищъ—Сергѣй Яковлевичъ—живетъ плохо, онъ всегда ругается скверными словами, учиться давно уже бросилъ, въ храмъ Божій ходитъ рѣдко. Въ годъ онъ не болѣе десяти разъ только бываетъ у богослуженія. Онъ все говоритъ, что обуться ему не во что, но на улицѣ онъ ходитъ каждый день. Меня часто онъ звалъ играть, когда я шелъ въ храмъ на молитву“, пишетъ Б. Матюхинъ. „Мой товарищъ очень плохой, къ богослуженію не ходитъ, но пить вино, курить табакъ любить, на послѣднюю копейку покупаетъ табакъ, онъ никого никогда не слушается“, говоритъ В. Адриановъ. „Однажды я собрался въ воскресенье идти къ службѣ, зашелъ къ своему другу, позвалъ его съ собой. Но онъ говоритъ, что въ храмѣ нечего дѣлать, лучше дома поиграемъ. Я согласился. Мы всю обѣдню играли въ карты, даже до окончанія службы наблизи“, отмѣчаетъ изъ своей жизни Ярцевъ. „У меня былъ товарищъ Петя. Онъ плохой, онъ училъ меня курить. Однажды онъ говоритъ мнѣ: „что ты учишься? Какая тебѣ польза отъ этого? Я вотъ не учусь и все равно мужикъ, такъ и ты мужикъ“. Онъ на-

учалъ меня скверныя слова говорить. Иной разъ скажетъ: за чѣмъ ты въ храмъ ходишь? Что тамъ дѣлать? Стоять-то тамъ скучно. Много онъ мнѣ вреда причинилъ. Онъ меня научилъ въ постъ скоромное ѣсть. Бывало, скажетъ: „это не постъ, а такъ себѣ, люди посты сами придумали“, пишетъ И. Ключниковъ. Вотъ явное доказательство вліянія на молодое поколѣніе сектантства. Авторъ послѣдней замѣтки одно время, какъ мнѣ хорошо извѣстно, жилъ около сектантовъ.

Вдумываясь во всѣ данныя сообщенія дѣтей, невольно задаешь себѣ вопросъ: кто болѣе сильное вліяніе оказываетъ на дѣтей—начальная школа, о. законоучители съ учителями, или же различные отставные солдаты, деревенскіе щеголи, гармонисты, уличные плясуны съ пошибомъ деревенскихъ передовыхъ людей?!

Изъ дѣтскихъ сообщеній видно, что школа имѣетъ до нѣкоторой степени помогаетъ противостоять вредному вліянію развратныхъ и вообще въ нравственномъ отношеніи вредныхъ людей, но въ то же время очевидно, что мальчику, прошедшему начальную школу, еще не подъ силу бороться съ уличными деревенскими учителями, число которыхъ—легіонъ. Съ какой стороны не смотри на дѣло, а выводъ одинъ: дѣти начальныхъ школъ внѣ школы и дома безсильны отражать всѣ попытки непрошенныхъ руководителей, направленныхъ на увлеченіе дѣтей на путь порока. Если такъ, то кто же и что же можетъ оказать нашему молодому поколѣнію помощь въ борьбѣ со всѣмъ вреднымъ въ жизни? Кто же, кромѣ школы съ учителями и законоучителями, можетъ помочь крестьянскимъ дѣтямъ умѣло отражать всѣ посягательства на ихъ религіозно-нравственный обликъ?..

Свящ. Іоаннъ Молебновъ.

Изъ дневниковъ наблюдателей.

Картинки и очерки изъ школьной жизни.

Одинъ изъ малыхъ сихъ.

У богая избушка на краю бѣднаго села, въ ней пять человѣкъ больныхъ дѣтей; безпощадный дифтеритъ, имѣя своими союзниками перяшество населенія, осеннюю сырость, безпрепятственно гуляетъ по селу, поражая беззащитныхъ дѣтей и болѣе 10 уложилъ уже въ темную могилу, — забрался, наконецъ, и въ эту несчастную семью. Старшій мальчикъ уже на лавкѣ подъ образами, сознание однако еще не покинуло его, хотя злобѣщій хрипъ вырывается изъ груди. Убитые горемъ родители безпомощно стоятъ надъ малютками, переводя свои тоскующіе взоры отъ умирающаго первенца на остальныхъ, мечущихся въ сильномъ жару на полу... Входитъ священникъ со св. Дарами. Мальчикъ, завидя его, какъ-то особенно встрепетулся: онъ такъ привыкъ къ этому батюшкѣ, третій годъ слушаетъ его уроки по Закону Божію, и никто изъ всей школы не былъ внимательнѣе его къ Евангельскимъ разсказамъ. Окинувъ взоромъ печальную картину, батюшка прослезился... Но на лицѣ мальчика блеснулъ лучъ радости, — чуткая душа видно ждала святого утѣшенія; онъ собралъ покидающія его силы, сѣлъ на лавку. „Вотъ, батюшка, — замѣтила мать, прерывающимся отъ слезъ голосомъ, — и въ бреду-то все про Божественное говорить.“ Священникъ приступилъ къ совершенію напутствія. Воодушевленно, дрожащимъ голосомъ читалъ онъ положенныя молитвы: мальчикъ вторилъ, слезы текли по воспаленнымъ щечкамъ. Молитвы кончены. — „Понимаешь ли ты, Саша, къ какимъ великимъ таинствамъ и въ ка-

кую страшную для тебя минуту приступаешь ты?“ — „Понимаю, батюшка“, — тихо, но увѣренно проговорилъ тотъ въ отвѣтъ. Истинно святое благоговѣніе озарило лицо его, когда онъ открылъ ротъ, чтобы принять Тѣло и Кровь Того, Чей образъ, благодаря хорошо усвоеннымъ Евангельскимъ страницамъ, уже ярко сіялъ въ юной душѣ... Мальчикъ хотѣлъ было по принятіи св. Тайнъ поклониться, но силы оставили его, онъ упалъ; священникъ, поднявъ, посадилъ его на лавку. „Миръ тебѣ, дитя мое, душа твоя чистая, добрая... Можетъ-быть, Богъ еще возвратитъ тебя на утѣшеніе родителямъ, тогда вѣчно благодари Его... Можетъ-быть, и къ Себѣ возьметъ... не бойся!... Не мѣшайте дѣтямъ приходить ко Мнѣ... таковыхъ бо есть царство небесное“... Помнишь, Чьи эти слова? — „Помню, батюшка, — твердо, сознательно отвѣтилъ мальчикъ, опускаясь въ изнеможеніи на подушку. Приобщивъ св. Тайнъ остальныхъ дѣтей и осѣнивъ всѣхъ благословеніемъ, священникъ ушелъ... Ранняя, осенняя сумерки угрюмо опустились на окрестности. Холодно, скучно на дворѣ, душно, жутко въ зараженной избѣ. Неумолимый дѣтскій бичъ доканчиваетъ свое дѣло. Дыханіе больныхъ становится тяжелѣе, хрипъ умирающаго Саши прерывается порывистымъ бредомъ... „Всѣ—всѣ тамъ будемъ по повелѣнію Божію“... быстро проговорилъ онъ, махнувъ рукой... Два-три вздоха, и Саши не стало на землѣ... Созрѣла ли эта душа для вѣчныхъ радостей въ странѣ загробной, или Промыслъ Божій раннею кончиною защищалъ

его отъ тлетворной заразы міра, во злѣ лежашаго,—вѣдомо Единому Господу... Непостижимы пути Его!.. Холодное сѣрое утро... Мутное отъ осеннихъ тучъ небо сливалось вдали съ блѣдно-желтыми равнинами. Съ колокольной неслись заунывные звуки небольшого колокола. Отъ села къ церкви тихо двигалось печальное шествіе: гробикъ Саши покачивался на плечикахъ его товарищей-дѣтей. По правиламъ предосторожности слѣдовало бы дѣтей удалить, а гробъ наглухо закрыть, но у священника видно не хватило духа, въ виду безутѣшнаго горя родителей умершаго и явнаго, трогательнаго сочувствія къ нему дѣтей, сдѣлать такое распоряженіе, да къ тому же въ данномъ-то случаѣ, пожалуй, совершенно бесполезное: зараза прочно свила себѣ гнѣздо; грязь, неряшество помѣщеній, лучшіе ея проводники—всюду, кругомъ. Сами крестьяне плохо воспріимчивы къ разнымъ мѣрамъ предосторожности, привыкнувъ все объяснять „волей Божіей“... Врачъ появлялся мимолетно и уныло опускалъ руки, сознавая свое безсиліе въ виду условій, вполнѣ благопріятствующихъ развитію заразы... Но въ этомъ безстрашномъ спокойномъ шествіи за заразнымъ трупомъ дѣтей, изъ которыхъ, быть-можетъ, нѣкоторые чрезъ 2—3 дня также будутъ поражены, чудятся тѣ сѣмена самоотверженія, безстрашнаго героизма, которые Русскій народъ умѣетъ такъ ярко проявлять въ годину бѣдствій. Кончилась литургія. Прозвучали надъ прахомъ Саши погребальныя пѣснопѣнія; такъ стройно и печально пропѣли ихъ юные товарищи. Свѣтлый, спокойный лежалъ онъ во гробѣ точно не умеръ, а только уснулъ. Миръ праху твоему, добрый цвѣтокъ церковной школы, рано подрѣзанный косою смерти!..

Школьная молитва.

Поздній декабрьскій разсвѣтъ еще борется съ сумерками длинной ночи, но дѣти-школьники уже всѣ собрались, личики ихъ, нарумяненные морозомъ, оживлены, многія углубились въ книжки, видимо пробѣгаютъ заданные уроки. Вошла учительница—молдая еще дѣвушка. Дѣти радостно привѣтствовали ее; доброй улыбкой отвѣчала она имъ; бодро шла она начинать свой обычно трудовой день. Одинъ изъ старшихъ мальчиковъ выдѣлился впередъ къ иконѣ, благоговѣйно осѣнилъ себя крестнымъ знаменіемъ. Молитва началась. Стройно сливались дѣтскіе голоса въ пѣвніи нѣкоторыхъ молитвъ... Затихали... Мальчикъ выразительно внятно читалъ другія молитвы, ему вторилъ общій тихій шопотъ дѣтей, внимательно повторявшихъ святыя слова. Взоры нѣкоторыхъ, порой, устремлялись на учительницу, которая вся погрузилась въ молитву; худенькое личико ея озарилось умиленіемъ, въ глазахъ свѣтилась вѣра, благоговѣніе было разлито въ ея скромныхъ движеніяхъ. Мнилось, что святыя искры этой доброй души незамѣтно, но глубоко западаютъ въ юныя сердца. Еще такъ, кажется, недавно, и сама она, маленькой дѣвочкой, въ убогомъ дѣяческомъ домикѣ училась молиться отъ покойной, до-труженицы - матери. Рано осталась она круглою сиротою, добрые люди приняли въ ней участіе, помѣстили ее въ казенномъ учебномъ заведеніи. Робкая, тихая, она всецѣло предалась труду, училась всѣмъ напряженіемъ ума, прекрасно сознавая, что только въ трудѣ ея спасеніе и цѣль жизни... Годы быстро протекли. Все то доброе, что могло дать училище, воспринято чуткимъ сердцемъ, а

отъ того суетнаго и вреднаго, что, къ сожалѣнію, какъ ядовитая пыль, проникаетъ и за стѣны даже закрытыхъ учебныхъ заведеній, защитили ее природное благородіе и скромность. Ученіе кончилось, и она почувтилась въ небольшой, но опрятной школѣ одного глухаго села, и уже нѣсколько лѣтъ добросовѣстно трудится здѣсь, любящая свое дѣло, дѣтей и тѣхъ простыхъ окружающихъ ее людей, которые платятъ ей уваженіемъ и искреннею благодарностію. Молитва кончилась. Дѣти настроились хорошо, серьезно. Сегодня 1-е декабря, — обратилась къ нимъ учительница, — и я расскажу вамъ про одного святаго человѣка, удивлявшаго современниковъ истинно Евангельскимъ милосердіемъ.

Просто, живо полился воодушевленный рассказъ про Филарета Милостиваго, который умомъ проникалъ въ самую глубину философіи, понимая ничтожество земнаго богатства и съ настоячивостию подвижника употреблялъ свое достоинствѣ, согласно духу Евангельской любви. Ярко изображена его нравственная борьба съ близкими людьми, нераздѣляющими его свѣтлыхъ взглядовъ. Живо обрисованы трогательные примѣры его милосердія, подчеркнута эта трогательная жалость ко всему живому, побудившая отдать бѣдняку послѣднюю корову, когда она жалобно мычала, тоскуя по уводимому теленку. Въ классѣ тишина, взоры дѣтей прикованы къ учительницѣ, — очевидно, рассказъ, текущій отъ сердца, овладѣлъ въполнѣ ихъ вниманіемъ, и то доброе, душевное напряженіе, съ которымъ они вслушались, уже привычно имъ. Дѣти полюбили святыя рассказы, и свѣтлыя образы великихъ людей, въ нихъ обрисованныхъ, глубоко западаютъ въ ихъ воспримчивыя сердца.

Дверь отворяется, входитъ законоучитель на свой урокъ — закона Божія: его нѣсколько задержала служба, но минуты не пропали даромъ, дѣти теперь такъ чутко настроены слышать Евангельскіе глаголы.

Вечеръ въ школѣ.

Длинный зимній вечеръ. Зданіе школы окутано мракомъ, но въ окнѣ учительницы привѣтливо мерцаетъ огонекъ. 5—6 дѣвочекъ, оставшихся ночевать, ютились около учительницы за рабочимъ столомъ; для нихъ школа стала любимымъ мѣстомъ, а скоротать вечерокъ съ учительницею — лучшимъ удовольствіемъ. Одна дѣвочка читаетъ вслухъ, ее потомъ смѣняютъ другая, третья; остальные работаютъ. По временамъ чтеніе и работа прерываются вопросами дѣтей или объясненіями учительницы; иногда заводится тихій добрый разговоръ, — видно, что все чувствуютъ себя отраднo, хорошо; вечеръ незамѣтно течетъ. Но вотъ дѣтки начинаютъ утомляться; занятія прекращаются: все онѣ идутъ въ небольшую кухню, гдѣ маленькихъ труженицъ ждутъ горячія щи и каша.. Дѣти опять въ классѣ. Лучи лампадки озаряютъ ликъ Богоматери, въ окна врывается серебристый свѣтъ взошедшаго мѣсяца. Дѣти на колѣняхъ тихо, благоговѣнно шепчутъ вечернія молитвы: учительница, среди нихъ, она воодушевляетъ ихъ своимъ примѣромъ. Неужели же эти молитвы не взлетятъ въ ту надзвѣздную даль, гдѣ такъ привѣтливо мерцаютъ звѣзды, откуда, облеченный въ оризу вѣчной святости, милосердый Господь внимаетъ всякому искреннему дыханію души человѣческой?! Время близится къ полуночи. Вездѣ на селѣ потухли огни. Не разъ уже пѣли пѣтухи... Изъ окна учительницы по-

прежнему льется свѣтъ: она сидитъ надъ книжкою—углубленная въ чтеніе. Кончивши трудъ дневной, отдавши дань долгу, она принялась за одинъ изъ тѣхъ уроковъ самообразованія, которые никому не замѣтны, но которые такъ благотворны для молодой души: такъ прекрасно дополняютъ духовное содержаніе скромной трудовой жизни. Глянешь на эту уютную, чистенькую комнатку, на ея труженицу обитательницу и вспомнишь невольно слова поэта:

Комнатка бѣдная, —
Келья святая дѣвственныхъ думъ,
завѣтныхъ трудовъ,
Дай же Боже, отчизна родная,
Побольше тебѣ такихъ уголковъ!

На пути къ свѣту истинному.

Вечеръ наканунѣ Крещенія. Народъ только что возвратился отъ великаго водоосвященія. Дѣти дружной гурьбою потянулись къ школѣ на спѣвку. Учитель нарочно пріѣхалъ пораньше, чтобы въ великій день Богоявленія утѣшить прихожанъ стройнымъ пѣніемъ ихъ дѣтей въ храмѣ.

Въ томъ же селѣ стояла просторная, чистая изба старообрядца; семейства у него было всего только жена да двое дѣтей, мальчикъ лѣтъ 11, да дѣвочка лѣтъ 5. Самъ хозяинъ, убравшись по хозяйству, усѣлся за чтеніе старинной книги, жена его хлопотала у печки, а мальчикъ сиротливо сидѣлъ у окна и задумчиво смотрѣлъ въ темнѣющую даль. — „Пусти, тятенька, на спѣвку“, — робко проговорилъ онъ отцу. — „Какую тамъ еще выдумалъ спѣвку, — строго отвѣтилъ тотъ, — вѣдь тебѣ сказано, не смѣть ходить къ никоніанамъ на ихъ моленія, будетъ съ тебя, въ школу ходишь, и то потому, что по нынѣшнимъ временамъ безъ грамоты обойтись нельзя, — про церковь

же ихъ и про разныя спѣвки тамъ — и думать забудь“.

Спустя немного отецъ вышелъ на дворъ задать скоту корму на ночь, мать отлучилась за чѣмъ-то къ сосѣдкѣ. Почти совсѣмъ стемнѣло. Мальчуганъ живо накинулъ на плечи шубенку, нахлобучилъ шапку и быстро побѣжалъ по направленію къ школѣ, изрѣдка оглядываясь — нѣтъ ли за нимъ погоня.

Въ школѣ было уже все готово къ спѣвкѣ, когда запыхавшійся мальчикъ побѣжалъ и весело привѣтствовалъ всѣхъ: „здравствуйте!“ — „Спасибо, Петя, что пріишелъ, — проговорилъ учитель, ласково погладивъ его по головкѣ, — однимъ хорошимъ саломъ теперь больше стало у насъ“.

Часа два стройно и съ очевидною любовью ко святому дѣлу спѣвались дѣти и челоѣка 4 взрослыхъ любителей.

Ночь уже совершенно накрыла непрогляднымъ покровомъ и школу и затихающее село. Спѣвка кончилась; дѣти, весело прощаясь, расходились по домамъ, но нашъ Петя опять что-то пригорюнился. Нерѣшительно подошелъ онъ къ учителю и тихо проговорилъ: „позвольте мнѣ остаться ночевать здѣсь“ — „...“, — „Очень радъ, — отвѣтилъ учитель, — только смотри, родители, пожалуй, строго накажутъ тебя за это; вѣроятно, и на спѣвку-то безъ спросу ушелъ, вѣдь да?“ — „Да, — чуть слышно прошепталъ мальчикъ, — пусть наказываютъ... а то завтра меня и къ заутрени дома-то не разбудятъ, и на обѣдню запрутъ, не пустятъ“ — „Когда такъ, — оставайся! Скажите, дѣти, его родителямъ, обратился учитель къ ожидающимся Петю мальчикамъ, — что я его здѣсь оставилъ ночевать“ — „Этимъ онъ хотѣлъ облегчить вину мальчика въ глазахъ родителей“ и былъ увѣренъ, что обычная расколь-

ническая дикость не позволить имъ притти въ школу и насильно увести отсюда сына...

Раннее утро. Славный морозецъ разлитъ въ воздухъ. Безвѣтріе. Темно-синее небо ласково смотритъ милліонами звѣздъ на обширную Русь, готовую по первымъ ударамъ благовѣстниковъ потечь въ храмы поклониться насъ ради во Иорданѣ крестившемуся Господу. Льется звонъ шире и шире, проникая чрезъ горы и лѣса въ убогія, заброшенныя въ глуши, деревеньки, и тамъ поднимаетъ усердныхъ хрістіанъ на раннюю молитву. Въ храмѣ еще полусумракъ, но дѣти—пѣвчіе всѣ уже въ сборѣ, всѣ они такъ радостно настроены, но веселѣе и оживленнѣе всѣхъ Петя. Храмъ наполнился. Свѣчи загорѣлись. Богослуженіе началось. Дружно и стройно прозвучало на клиросѣ воодушевляющее: „съ нами Богъ!“ Звонко слышался альтикъ Пети, глаза его сверкали удовольствіемъ, щеки покраснѣлись, душа раскрылась для благодатнаго свѣта. Забылъ здѣсь, въ часы святой молитвы, бѣдняжка пробранъ и побои, ожидавшіе его дома за самовольный уходъ. Онъ переживалъ тѣ свѣтлыя, восторженныя минуты, которыя не забываются никогда, и среди бурь, тревогъ и суеты житейской встаютъ изъ дали прошлаго яркимъ маякомъ, ясно указующимъ душѣ путь къ свѣту истинному.

За порогомъ школы.

Гулко несется благовѣстъ надъ первопрестольной. Храмы Божіи отворяются,—многіе усердные москвичи стремятся на общую воскресную молитву. Но, увы! на городскихъ площадяхъ завела свою нестройную пѣсню базарная суета: тысячи людей погружаются въ нее, лишаясь чрезъ то лучшаго ду-

ховнаго утѣшенія. На углу одной площади пріютилась небольшая овощная лавочка: въ ней шустрый мальчуганъ Алексѣй, лѣтъ 14, удовлетворяетъ требованія покупателей; но вотъ они перемежились, лавка на время опустѣла. Мальчикъ облокотился на прилавокъ, взоръ его печально скользя по площади, полной людей, телѣгъ, крика, брани,—глубокая дума свѣтилась на юномъ лицѣ. Благовѣстъ гудѣлъ. Алексѣю вспомнилось родное село. Такъ недавно, всего года два, онъ былъ усерднымъ посѣтителемъ школы, пріютившейся около самаго храма. Успѣшно шло его ученье, а любимымъ удовольствіемъ было сходить въ храмъ пойтъ и почитать тамъ. Школа кончена, отдали въ года, настала иная жизнь, ничего общаго съ прежней не имѣющая: съ ранняго утра до поздняго вечера бѣготня, суета въ лавкѣ; настанетъ праздникъ, а онъ, бѣдняжка, лишень и привычнаго утѣшенія сходить къ службѣ; хозяинъ чловѣкъ суровый, расчетливый, каждой минутой дорожить, а про душевныя потребности чловѣка совсѣмъ забылъ. Грустно мальчику, точно чувствуетъ онъ, что свѣтлыя искры, зароненныя далекою школою, постепенно гаснутъ, и пепель суеты житейской застилаетъ ихъ. Пройдутъ годы, немудрено, что юноша при такой обстановкѣ очерствѣетъ, добрыя позывы души замолкнутъ, и станетъ онъ однимъ изъ тѣхъ несчастныхъ тысячей, что теперь, дождавшись праздника, обыкновенно жадно бросаются въ пагубный омутъ безшабашнаго разгула, забывъ про храмъ Божій, про все то, безъ чего душа чловѣческая умираетъ навѣки. Но гдѣ же тѣ добрые мужественные люди, которые бы защитили дни Божіи отъ оскорбленія несвоевременною куплею и продажей и дали бы полную возмож-

ность всѣмъ желающимъ пользоваться благотворнымъ вліяніемъ Богослуженія? Настанетъ ли та счастливая пора, когда жизнь дѣйствительная перестаетъ

нетъ безпощадно глушить сѣмена, зароняемые школами въ молодое крестьянское поколѣніе?

Свящ. В. Востоковъ.

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Листки изъ дневника учителя-крестьянина¹⁾.

1-го Сентября. Начинаю копать мой дневникъ. Лѣто я провелъ въ Шутахъ, у родителей, раздѣляя съ ними полевые работы. Трудненько было и спинѣ и рукамъ, но мнѣ уже къ этому не привыкать:

Дайте грабли, лопату, топоръ или ломъ,

Или серпъ для жнитва отточите,

Или косу дайте вы мнѣ для косыбы,

Или цѣпь, или—что вы хотите!

Хоть не очень сильна будетъ эта рука²⁾,

Но ко всякой работѣ привычна:

Потому что нужда, въ тяжелой школѣ труда.

Насъ работать учила отлично...

Да, трудненько было, но за то все это вознаграждается сторицею. Радостью трепещетъ сердце, когда окинешь взглядомъ необъятный коверъ спѣлыхъ хлѣбовъ, движущихся подъ дуновеніемъ вѣтерка, словно волны безбрежнаго океана.

Развѣ это не награда рабочему люду?—Въ полдень зной хотя и даетъ себя чувствовать, но за то какое наслажденіе испытываешь раннимъ утромъ, когда чистый воздухъ невольно просится въ грудь, и утренняя прохлада пріятно освѣжаетъ весь организмъ! Легко и охотно работается въ это время! Мѣрное шарканье серповъ, жужжанье косъ и мягкій шелестъ подрѣзанныхъ колосьевъ нашему брату-земледѣльцу—пріятнѣе всякой му-

зыки; онъ любитъ эти звуки: они знакомы ему съ самаго ранняго дѣтства. Когда еще онъ былъ ребенкомъ, люлька его качалась надъ бороздами родной полосы, въ тѣни сноповъ, разставленныхъ полукругомъ, и онъ спалъ, убаюкиваемый этими звуками, и эти же звуки встрѣчали его пробужденіе, онъ сроднился съ ними, привыкъ ихъ любить почти съ перваго дня своего появленія на свѣтъ Божій. И теперь каждый изъ насъ—хлѣбопашцевъ,—слушая эти звуки не можетъ не радоваться въ душѣ, вспоминая и свое далекое дѣтство, свое беззаботное когда-то существованіе, охотно беретъ за рукоятку серпа, зная, что не одинъ онъ воинъ въ полѣ, что много его собратьевъ—мужичковъ трудится вмѣстѣ съ нимъ на широкомъ просторѣ полей необъятной родины.

Настанетъ время обѣда, всѣ жнецы бросаютъ работу и обращаются на востокъ, чтобы совершить краткую предобѣдненную молитву. Слезы навертываются на глазахъ, когда, смотря на востокъ чрезъ неоглядныя волны ржи, произносишь знаменательныя слова молитвы Господней:

„Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ“

Просишь, а у самого такъ и туманятся глаза слезами благодарности, благодарности Тому, который заботится о произрастеніи каждой былинки, каждого лепестка, наполняя каждый

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 35.

²⁾ У Жуковского строка эта написана такъ: „И сильна и крѣпка будетъ эта рука“. Я же измѣнилъ сію строку потому, что не отличаюсь физическою силою.

колосокъ наливнымъ зерномъ, окропляя всякую травку небесною росой, и все это Онъ дѣлаетъ на „службу человѣкомъ“, ибо Самъ Онъ—человѣколюбивъ и многомилостивъ. Сознавая все это, нельзя не трудиться, нельзя, трудясь, и не радоваться, смотря на плоды своихъ трудовъ. Трудились наши прадѣды, дѣды и отцы,—всѣ они ходили за сохою по тѣмъ же самымъ бороздамъ, жали и косили на тѣхъ же полоскахъ, фздили по тѣмъ же дорогамъ, короче сказать—отъ самаго дня рожденія росли почти въ полѣ, любя кормилицу-землю, обливая ее трудовымъ потомъ въ знойный полдень и въ часы сладкаго отдыха почивали на матушкѣ сырой землѣ, не ища мягкаго ложа. Но эта трудовая жизнь не поколебала въ нихъ любви къ „родному полюшку“, а напротивъ—любовь свою къ роднымъ полоскамъ они донесли до самой могилы, донесли и завѣщали намъ, ихъ потомкамъ, такъ же любить свое поле, свое занятіе, которое благословлено Всевышнимъ. И вотъ мы теперь, по возможности, хранимъ свято и исполняемъ это завѣщаніе, но... къ стыду нашему, не всѣ. Есть изъ нашего брата такіе люди, которые по волѣ рока, попавъ на какую-либо небольшую должностишку или выучившись извѣстному ремеслу да натянувъ вмѣсто сѣрой сермяги „спинжакъ“ и брюки, уже гнушаются своего званія, сторонятся отъ „черной“ работы, съ кислою миной смотрятъ на кормилицу-соху или борону, какъ будто бы въ этихъ орудіяхъ есть что-то отвратительное и гадкое; въ разговорѣ съ своими односельцами и даже родными задираютъ носъ: „мы, дескать, уже не то, что были,—не простые, сиволापые мужичье, а поднимаемъ выше: я писарь, онъ „хабришный“, а этотъ приказчи-

комъ былъ,—люди все чинные да важные, такъ извиняй, дорогой родитель, работать намъ непристойно“. Это часто приходится слышать отцамъ-пахарямъ отъ дѣтокъ, возвратившихся со стороны. Но каково-то легко слышать это сердцу бѣдныхъ родителей? Таки ли слова ожидалъ хлѣбоборъ-пахарь отъ своего сына? Нѣтъ! Вотъ золотыя слова сына, которыя заставляютъ радостно забиться отцовское и материнское сердце: „Родители! Такъ же какъ мои дѣды и вы, я пойду добывать кусокъ насущнаго хлѣба сохой. Работая на нивѣ, такъ же, какъ мои предки и вы, я буду любоваться раннимъ утромъ румяными зорьками, изучу и буду любить всѣ холмики, долинки, овражки и ручейки родимаго поля, ибо они безмолвные свидѣтели трудовъ моихъ дѣдовъ; пусть будетъ мило моему сердцу родное село, Божій храмъ, святое кладбище, домъ родительскій, гумно, рѣчка, огородъ и садъ: все это—свидѣтели далекаго прошлаго, милой старины, которая дорога моему сердцу“. Нельзя не пожелать, чтобъ и наша церковно-приходская школа приготавливала пахарей послѣдняго типа. Этакіе пахари-хлѣбоборы—кремни, изъ которыхъ слагались для нашей отчизны нерушимыя стѣны въ трудныя для нея години нашествій вражескихъ. Сущую правду сказалъ поэтъ (Розенгеймъ) про такого пахаря, который во время войнъ грудью стоялъ за свое отечество наравнѣ съ солдатами:

„Есть за ней (за арміей) у насъ ополченіе,
Не нарядное, не ученое,
Ратникъ съ поля взять, бородой обросъ,
Но... сломить его—вещь мудреная,—
Онъ стоитъ себѣ, словно въ землю вросъ“... 1)

1) Какъ счастливъ былъ бы Русскій народъ, если бы всѣ народные учителя такъ крѣпко любили матушку—кормилицу землю! *Ред.*

Учит. Е. Нулиновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСТЫ И ВСХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXXVI.

Доброе слово о школъ.—Образецъ школы.—Задачи школы.—Что должна воспитывать въ дѣтяхъ школа.

Одно изъ непоследнихъ условий успѣшности всякаго добраго стремленія—это постоянное подогрѣваніе его частыми напоминаніями, идеальными побужденіями и сочувственными ободреніями.. Только зло не нуждается въ подобныхъ внѣшнихъ средствахъ, увлекая своею заразительностію даже и помимо внѣшняго содѣйствія.

Такъ точно школа достигаетъ своихъ цѣлей тяжелымъ и упорнымъ трудомъ своихъ самоотверженныхъ тружениковъ, черпающихъ силы для своего труда не только въ самомъ этомъ столь возвышенно-благородномъ трудѣ, но и добромъ словѣ тѣхъ, кто болѣе или менѣе окруженъ для нея ореоломъ высокаго авторитета. Такое значеніе по справедливости можно отмѣтить въ добромъ словѣ г. товарища оберъ-прокурора Св. Синода, произнесенномъ при открытіи 2 Юля настоящаго года педагогическихъ курсовъ въ церковно-учительской школѣ въ с. Богословскомъ, Каширскаго уѣзда, Тульской губ.—Слово имѣетъ также значеніе глубоко-вѣрнаго выраженія задачъ церковной школы въ Россіи вообще и должно быть запечатлѣно и воплощено въ жизни всѣхъ, кто отдалъ эту жизнь на служеніе школъ.

Рѣчь начинается историческимъ введеніемъ, ознакомляющимъ слушателей съ постепеннымъ ростомъ и упроченіемъ школъ села Богословскаго, обладающаго нынѣ пѣлыми 5-ю школами съ 118 живущими въ нихъ воспитанницами и 150 приходящими. Изъ числа этихъ школъ одна церковноучительская двухъклассная, одна второклассная, двѣ образцовыя для дѣво-

чекъ и мальчиковъ и одна церковно-приходская. Нельзя не порадоваться вмѣстѣ съ ораторомъ, что всѣ эти школы расположились не въ городѣ губернскомъ или уѣздномъ, а въ здоровой обстановкѣ русскаго села. Здѣсь успѣшнѣе должна идти и подготовка къ просвѣтителъному труду добрыхъ руководительницъ начальной школы. Здѣсь имъ лучше изучать природу; здѣсь онѣ дышать чистымъ привольнымъ воздухомъ лѣсовъ и полей; здѣсь онѣ вдали отъ суеты и мишурныхъ радостей городской жизни. Чѣмъ ближе люди къ природѣ, тѣмъ они ближе и къ Богу.

Дальнѣйшее теченіе рѣчи направляется къ выясненію основнаго характера школьнаго строя вообще и въ селѣ Богословскомъ въ частности, каковымъ полагается по справедливости стремленіе неразрывно связать обученіе съ воспитаніемъ. Обогащеніе ума научными свѣдѣніями соотвѣтственно программамъ должно быть поставлено въ правильное соотношеніе съ развитіемъ эстетическихъ чувствъ. „Разумно веденное воспитаніе должно охватить и умъ и сердце. Одно лишь изученіе разныхъ наукъ, давая знаніе многихъ фактовъ, можетъ привести къ неполному развитію всѣхъ способностей человѣка, можетъ сдѣлать его сухимъ и одностороннимъ. Необходимо вліять на сердце. Необходимо развивать чувство красоты. Забота объ усвоеніи воспитанницами молитвенныхъ навыковъ была всегда особенно дорога руководящимъ школами въ Богословскомъ. На молитвѣ, чуждой лицемѣрія, искренней и усердной, создается одна изъ основъ воспитанія. День школы неразрывно связанъ

со днемъ Церкви, къ молитвамъ прилагаются дневное Евангеліе, чтеніе житія святого, а вечеромъ каноны съ пѣніемъ irmosovъ и чтеніемъ тропарей. Церковное пѣніе, столь разнообразное богатствомъ чудныхъ мелодій, скоро сдѣлалось въ нашихъ (Богословскихъ) школахъ любимымъ предметомъ. Воспитанницы, конечно, многимъ обязаны нашимъ неутомимымъ труженицамъ матушкамъ регентшамъ. Онѣ привили къ нимъ правильные приемы церковнаго пѣнія, дали это пѣніе во всей его уставной полнотѣ, правильно поставили голоса, научили воспитанницъ игръ на скрипкѣ, и согласная восшумѣла пѣснь въ школѣ Богословской. Фисгармонія, піанино, 55 скрипокъ, груды печатныхъ и рукописныхъ нотъ—вотъ музыкальное богатство школы. Нѣкоторыя пѣснопѣнія исполняются въ церкви всѣми учащимися. Высоко-умилительно пѣніе 250 молодыхъ звучныхъ голосовъ. И народъ полюбилъ нашъ бѣдный сельскій храмъ, утѣшается онъ стройнымъ пѣніемъ, полюбилъ настолько, что пришлось дважды увеличивать размѣры храма. На одномъ пѣніи мы не остановились. Съ прошлаго года въ школѣ введено обученіе рисованію. Успѣхи превзошли всѣ ожиданія. Быть можетъ, эта любовь къ рисованію отчасти объясняется знакомствомъ со многими лучшими произведениями искусства. Болѣе 250 фотографій покрываютъ стѣны большихъ школьныхъ помѣщеній. Въ школѣ много фотографій, изображающихъ страданія святыхъ мучениковъ. Есть фотографіи, переносящія насъ въ римскія катакомбы и знакомящія съ различными событіями церковной жизни хрістіанъ первыхъ вѣковъ. Фотографіи эти въ теченіе многихъ лѣтъ собирались, дабы ознакомить воспитанницъ съ самоотверженною любовью первыхъ хрістіанъ ко Хрісту Спасителю. Хотѣлось, чтобы благодатная сила этой ничѣмъ суетнымъ неповрежденной любви коснулась сердецъ нашихъ воспитанницъ, чтобы онѣ воспитались въ со-

зерцаніи этой готовности и жизни и счастья принести въ жертву великой идеѣ служенія Хрісту. Многочисленные изображенія Спасителя, Его Пренепорочной Матери должны ознакомить воспитанницъ съ бессмертными произведениями Рафаэля, Гвидо Рени, Муррило и другихъ великихъ художниковъ. Далѣе, на стѣнахъ школы виднѣются дорогія всякому русскому изображенія незабвенныхъ С. А. Рачинскаго, Н. И. Ильминскаго, о. протоіерея Іоанна Наумовича и другихъ. Еще далѣе помѣщены виды Палестины, разныхъ обителей, храмовъ и святынь земли Русской. А какъ хороша молитвенная школьная горница! Ея передняя стѣна украшена блестящими золотомъ священными изображеніями—благословеніями многихъ уже отошедшихъ друзей Богословской школы. Передъ лицами Хріста, угодниковъ, просвѣтителей земли русской теплятся лампады. Хорошо въ этой горницѣ, тихо и мирно въ школѣ, и полюбили свою школу воспитанницы. Когда въ прошломъ году спросили окончившихъ во второклассной школѣ, желаютъ ли онѣ съ дипломами въ рукахъ возвратиться домой и затѣмъ получить учительскія мѣста, то всѣ онѣ, за исключеніемъ одной, пожелали перейти въ церковно-учительскую школу и остаться, такимъ образомъ, еще на три года въ учебномъ заведеніи. Эта привязанность къ школѣ показала, что учащіе правильно уразумѣли свои обязанности: они развили у учащихся любовь къ труду, вкусъ къ чтенію, живой интересъ къ учебному и воспитательному дѣлу и чувство долга. Необходимая для всякаго учебнаго заведенія дисциплина не подавляла своимъ внѣшнимъ формализмомъ жизнерадостное настроеніе школьной семьи. Образцовая тишина въ церкви и въ классахъ чередовалась во внѣклассное время со звонкимъ смѣхомъ радостно настроенныхъ воспитанницъ. На заботахъ объ эстетическомъ развитіи, конечно, руководители школы не остановились; не забыты были

ими обученіе рукодѣлю и физическое развитіе воспитанницъ. Есть надежда, что школьный садъ и огородъ, разведенные на 10 десятинахъ, обезпечать на будущія времена школу не только запасами плодовъ и овощей, но и дадутъ возможность учащимся основательно ознакомиться съ работами въ саду и огородѣ, столь полезными для ихъ здоровья.

Освѣтивъ такимъ описаніемъ Богословской школы, такъ сказать, самый идеалъ ея, къ которому по истинѣ такъ недалеко означенная школа и готовится, далѣе, слушательницъ курса къ предстоящимъ имъ занятіямъ, рѣчь переходитъ къ самому существу вообще школьнаго дѣла. Курсы, говорится здѣсь, должны не только сообщить вамъ цѣлый рядъ для васъ необходимыхъ познаній, но и способствовать утвержденію въ васъ единомыслія въ уразумѣніи великихъ задачъ церковной школы. Вы знаете, что кому принадлежитъ школа, тому въ значительной степени принадлежитъ и будущность народа. Чтобы хорошо руководить школою, нужно любить ее, а любить ее можно только при разумѣніи высокихъ задачъ, кои она призвана выполнить. Въ наши дни самая существенная сторона школьной дѣятельности есть воспитаніе. Ученіе сохраняетъ и передаетъ сокровища знанія; воспитаніе, и особенно хрістіанское, просвѣтляетъ совѣсть человѣка, закаляетъ его волю и вырабатываетъ его характеръ. Школа, не дающая воспитанія, подобна тѣлу безъ души; самообученіе обращается въ нѣчто внѣшнее, механическое, скользящее по поверхности, но не захватывающее души. Этотъ внѣшній приѣмъ не созидаетъ ничего прочнаго. При ловкости преподавателей, учащіеся искусственно приготавливаются къ экзаменамъ, натаскиваются къ нимъ, въ дни испытанія въ торжественной обстановкѣ они удивляютъ знаніемъ множества мелкихъ фактовъ, но быстро уносятся изъ памяти эти случайно собранныя крохи познаній. Въ остаткѣ часто

остается смутное воспоминаніе о чемъ-то когда-то пройденномъ. Хуже, когда это забвеніе переходитъ въ досаду или озлобленіе по поводу напрасно потраченного времени. Хорошій воспитатель долженъ быть близокъ къ дѣтямъ, доступенъ для нихъ, долженъ отзывчиво относиться къ ихъ горю и радости, долженъ близко знать условія среды, окружающей дѣтей, а равно и условія, благоприятствующія или мѣшающія успѣшному ходу школьнаго дѣла. Воспитаніе должно способствовать подготовкѣ людей къ дѣятельности на различныхъ ступеняхъ общественнаго и государственнаго строя. Прежде всего воспитаніе въ русской школѣ должно быть построено на твердомъ основаніи хрістіанскаго православнаго вѣроученія. Школа—первая помощница Церкви въ усвоеніи подрастающими поколѣніями вѣчныхъ и непреложныхъ истинъ Хрістовой вѣры. Школа утверждаетъ въ дѣтскихъ сердцахъ добрыя начала хрістіанской нравственности, приучаетъ дѣтей и думать и жить соотвѣтственно евангельскому закону. Она должна бороться съ жестокостью и грубостью, должна смягчать нравы, должна искоренять дурныя привычки, вселять любовь къ страждущимъ, бѣднымъ и обездоленнымъ. Дѣти, облагороженные хорошо хрістіанскою школою, будутъ правдивы, искренни, привѣтливы, не будутъ грубить, не будутъ мучить животныхъ и разорять птичьихъ гнѣздъ. Эти дѣти и по выходѣ изъ школы будутъ помнить одинъ изъ завѣтовъ хрістіанства, что лучше давать, чѣмъ брать. Таково въ общихъ чертахъ религіозное вліяніе хорошей школы. Эта школа должна, затѣмъ, воспитывать въ дѣтяхъ добрыя патріотическія чувства. Знакомство съ отечественною исторіею уясняетъ величіе Россіи, раскрываетъ значеніе Самодержавія, этой мощной силы, объединяющей въ одно неразрывное цѣлое многомилліонное населеніе Россіи. Заботы Царя о благѣ и преуспѣяніи родины должны быть вѣдомы

дѣтямъ. Вамъ, учащимъ, надлежитъ знать, какія силы способствовали созданію нашего великаго государства. Вы знаете значеніе Православія и Самодержавія для родной земли. Многовѣковыми усиліями предковъ и славными подвигами собиралась и создавалась Русская земля. Дорогое наслѣдіе мы воспріяли и должны передать его въ сохранности и цѣлости грядущимъ поколѣніямъ. И какъ намъ не любить нашу чудную родину, на десятки тысячъ верстъ раскинувшуюся въ двухъ полушаріяхъ, съ ея богатымъ разнообразіемъ красоть природы, обильно надѣленную Творцомъ плодотворною почвою и сокровищами въ нѣдрахъ земли! Какъ намъ не дорожить нашимъ прошлымъ: въ немъ, конечно, было много скорбей и страданій, но сколько было славнаго и свѣтлаго! Враги наши—а ихъ много—съ завистью взирають на величіе Россіи и стараются въ корнѣ поколебать его. Прикрываясь громкими словами, они смущаютъ людей съ неокрѣпшимъ національнымъ сознаніемъ праздными рѣчами о необходимости коренной ломки всего государственнаго строя. Особенно прискорбно, что враги стремились проникнуть и въ начальную школу. Они не остановились передъ попыткою сбить съ толку безпомощныхъ дѣтей, еще нетвердыхъ въ познаніи истины. Начальную школу они хотѣли подчинить вліянію противогосударственныхъ ученій. Но мы вѣримъ, что доброе національное направленіе сплотитъ учащихся въ начальныхъ школахъ и поможетъ имъ дать отпоръ непризнаннымъ наставникамъ, способнымъ вносить злобу и вражду туда, гдѣ должны царить миръ и согласіе, эти лучшія условія правильного роста хорошей школы. Будьте на стражѣ родной школы, охраняйте ее отъ темныхъ вліяній, боящихся свѣта. Вы служите великому правому дѣлу. Вашъ трудъ будетъ способствовать національному росту грядущихъ поколѣній, гордыхъ сознаніемъ принадлежности къ великой Русской державѣ.

Развивая въ дѣтяхъ любовь къ родинѣ, школа должна утверждать въ нихъ чувство долга и упорно бороться съ недостатками, присущими нашему національному характеру. Съ настойчивостью, чуждою, конечно, педантизму, слѣдуетъ приучать дѣтей дѣлать хорошо все, что имъ поручено, рѣшительно устраняя въ работѣ непозволительное „кое-какъ“, не терпя столь обычныхъ у насъ „авось“ и „небось“ и столь безотраднато „ничего“. Школьное воспитаніе должно явиться однимъ изъ наиболее мощныхъ средствъ для борьбы съ этимъ печальнымъ національнымъ недостаткомъ. Въ хорошей школѣ виденъ порядокъ во всемъ,—порядокъ есть здоровая стихія воспитанія. Учительница заботится, чтобы въ школѣ было чисто и прибрано, ей извѣстны начала школьной гигиены, и она, по мѣрѣ возможности, примѣняетъ ихъ. Отъ ея вниманія не ускользаетъ неопрятность дѣтей, она приучаетъ ихъ къ чистотѣ, она разумно соединяетъ требованія школьной дисциплины съ возможнымъ предоставленіемъ дѣтямъ свободы, необходимой для ихъ физическаго развитія. Бодрое, жизнерадостное настроеніе учащихся и учащихся—лучшій показатель правильной постановки воспитанія. Настроеніе это, конечно, находитъ поддержку и въ заботѣ объ эстетическомъ развитіи дѣтей. Большимъ подспорьемъ здѣсь является изученіе церковнаго пѣнія. Учительница, со скрипкою въ рукахъ, можетъ легко собрать около себя хоръ поющихъ дѣтей,—и сельскій храмъ огласится стройнымъ пѣніемъ церковной школы. Родители съ умиленіемъ слушаютъ, какъ дѣти ихъ славословятъ Творца. Народъ русскій музыкаленъ, онъ любитъ пѣніе. И школа можетъ доставить трудящемуся ея населенію великую услугу. По вечерамъ воскресныхъ и праздничныхъ дней часто она будетъ оглашаться пѣніемъ, пробуждать въ сердцахъ слушателей добрыя и хорошія чувства. Такое пѣніе,

чередуюсь съ полезнымъ и содержательнымъ чтеніемъ, составить здоровое развлеченіе для народа.“

Таковы въ общихъ чертахъ воспитательныя задачи школы. Выяснивъ ихъ, ораторъ заключаетъ свою рѣчь слѣдующими знаменательными словами:

„Изъ сказаннаго видно, какому великому дѣлу вы призваны служить. Любите свое высокое призваніе, вѣрьте въ успѣхъ своего труда, надѣйтесь на благодатную помощь свыше. Главное—не сомнѣвайтесь въ пользѣ своего служенія, и, чтобы утвердить васъ въ этихъ чувствахъ, я попрошу о. протоіерея Васильева, ученика незабвеннаго С. А. Рачинскаго, познакомить васъ съ дѣятельностью этого великаго педагога и вмѣстѣ

съ тѣмъ скромнаго учителя начальной школы.“...

О, если бы почаще раздавались такіа добрыя воодушевляющія рѣчи! Если полки идущихъ въ бой тѣсными сомкнутыми рядами воиновъ нуждаются въ командѣ, поощряющей къ мужеству и дружному удару на врага, то тѣмъ болѣе нуждаются въ подобныхъ поощреніяхъ на борьбу съ духовными язвами Россіи (тьма, невѣжество, пороки и т. п.) наши труженики школы, идущіе на свое великое дѣло часто одиноко, разрозненно, не чувствуя всей своей силы и величайшаго значенія, предъ которымъ, быть-можетъ, меркнетъ слава великихъ полководцевъ и громкихъ завоевателей!...

Изъ періодической печати.

Необходимость школъ грамотности для дѣвочекъ ¹⁾.

Женщина - мать, будучи естественной воспитательницей своихъ дѣтей, наиболѣе способна къ просвѣтительной дѣятельности. Просвѣщенная свѣтомъ хрістіанской культуры, создаетъ она вокругъ себя благотворную атмосферу, которая идетъ на встрѣчу правильно организованной школѣ, помогая ей завершить трудное дѣло воспитанія юношества. Безъ взаимной связи между семьей и школой непрочно вліяніе школы, безъ нея воспитаніе молодежи шатко, сомнительно и не ограждено отъ случайныхъ вредныхъ вліяній со стороны.

Въ настоящее время образованіе крестьянскаго юношества всею тяжестью ложится на одну школу, такъ какъ современная крестьянская семья по образованію стоитъ такъ низко, что помощницей школѣ быть не можетъ. Въ своихъ замѣткахъ о сельскихъ школахъ Рачинскій высказался объ этомъ такъ: „То, чего недостаетъ нашимъ ученикамъ при школѣ самой совершенной, чего мы имъ не въ силахъ замѣнить, та атмосфера грамотности внѣ школьныхъ стѣнъ, которая одна можетъ

поднять наше дѣло на степень жизненности и прочности, которая ей подобаешь, эта атмосфера можетъ создаться лишь при посредствѣ грамотныхъ матерей“. По поводу отсутствія дѣвочекъ въ сельскихъ школахъ Рачинскій въ свое время высказался такъ: „ясно, что наша школа дѣлаетъ лишь половину своего дѣла, а что другая, быть можетъ, самая важная половина ускользаетъ отъ нея“.

Мысль о распространеніи грамотности черезъ матерей высказывалась еще въ первую половину прошлаго столѣтія, и даже были попытки организаціи специальныхъ женскихъ школъ. Особенно обратила на себя общее вниманіе школа для дѣвочекъ, устроенная въ 1824 году однимъ изъ членовъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Сумскимъ помѣщикомъ Николаемъ Степановичемъ Стремоуховымъ. По прошествіи 20 лѣтъ существованія школы, въ 1844 году онъ прислалъ въ Общество заявленіе о результатахъ дѣятельности школы. „Женская сельская школа“, пишетъ онъ, „у меня начало имѣть съ 1824 года, прежде при 400 ревизскихъ мужскаго пола душахъ, а съ 1835 года,

¹⁾ Изъ журнала Дѣятель № 11. 1904 года.

по отдѣленіи половины въ другое распоряженіе, при 200 мужскаго пола душахъ. Въ ней всѣ дѣти женскаго пола обучаются читать и Закону Божію, начальнымъ правиламъ ариметики и нотному духовному пѣнію съ употребительнѣйшими рукодѣльями. Преподаватели, по возможности, берутъ изъ учившихся въ духовныхъ училищахъ, а въ небытность ихъ, учатъ и свои женщины, старшія ученицы сей же школы. Грамотны въ имѣніи всѣ отъ 10 до 30 лѣтняго возраста женскаго пола, а съ 1835 года учатся и всѣ мальчики тѣмъ же предметамъ и мастерствамъ. Книги употребляются желающими церковныя, какъ одѣтъ къ тому удобныя, по неимѣнію у насъ другихъ, приноровленныхъ для народнаго образованія. Польза, особливо въ отношеніи нравственности и вообще понятливости учившихся та, что они много превосходятъ старыхъ крестьянъ и крестьянокъ, оставшихся въ какомъ то полудикомъ состояніи. Вслѣдствіе тщательнаго наблюденія свойствъ нашего, да и всякаго простого народа, *первоначальное ученіе женскаго пола всегда и вездѣ будетъ единственнымъ и надежнымъ путемъ къ прочному и несомнѣнно благотворному введенію и утвержденію общаго во всемъ народѣ образованія*. Заявленіе Стрелюхова произвело впечатлѣніе на членовъ Общества Сельскаго Хозяйства и даже вызвало нѣсколько статей, напечатанныхъ въ „Журналѣ общества“ за 1845 годъ, о распространеніи грамотности черезъ матерей. Книжки журнала, имѣющаго подписчиками не только частныхъ лицъ, но нѣкоторые учрежденія и общества (между прочимъ популярное Императорское Вольно-Экономическое Общество), разнесли эту мысль по Россіи и вызвали въ публикѣ нѣкоторое оживленіе. Авторъ получилъ отъ помѣщиковъ много благодарственныхъ писемъ съ заявленіями о томъ, что они, по примѣру Стрелюхова, тоже открыли въ своихъ имѣніяхъ женскія школы. Къ сожалѣнію намъ неизвѣстно о дальнѣйшей судьбѣ этихъ школъ и о томъ, какъ отразился на нихъ переворотъ 19 февраля 1861 года.

Въ настоящее время въ земскихъ и церковно-приходскихъ школахъ главный контингентъ учащихся составляютъ мальчики, тогда какъ дѣвочекъ сравнительно немного. Но уже то, что и онѣ есть,—

шагъ впередъ, сравнительно съ недавнимъ прошлымъ. „Появленіе дѣвочки въ сельской школѣ“, говоритъ Рачинскій, „это нашъ первый успѣхъ, наше первое, дорого купленное завоеваніе, это залогъ всего будущаго развитія нашей сельской школы“. Но, помимо смѣшанныхъ школъ, желательны у насъ спеціальныя женскія школы. Желательны онѣ у насъ потому, что наши сельскія школы недостаточны и вообще переполнены и, т. о., не въ состояніи вмѣстить всѣхъ дѣвочекъ, желающихъ учиться. Спеціальныя же женскія школы сразу дали бы образованіе значительному количеству дѣвочекъ. Кромѣ того въ спеціальной женской школѣ можно было бы, въ дополненіе къ общимъ предметамъ, сообщить дѣвочкамъ много спеціальныхъ свѣдѣній, необходимыхъ, какъ для ихъ жизни въ родительскомъ домѣ, такъ и для ихъ будущей семейной жизни.

Изъ предметовъ общихъ, такихъ, какими обучаются и мальчики, должно, конечно, стоять обученіе Закону Божьему. Изъ всѣхъ знаній, которыя школа можетъ дать, нѣтъ ни одного знанія болѣе драгоценнаго, какъ знаніе Евангелія. Жизнь Хріста, Его ученіе должны стать близкими каждой матери-хрістіанкѣ. А поэтому и изъ всѣхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ женской школѣ, это знаніе надо выдвигать на первый планъ и въ немъ видѣть главную просвѣтительную дѣятельность школы. Отъ правильной постановки Закона Божьяго въ сельской школѣ самъ собою исчезнетъ туманъ суевѣрій и предрасудковъ, играющихъ нынѣ столь губительную роль въ жизни нашего простого народа. О преподаваніи остальныхъ предметовъ: русскаго и славянскаго языка, ариметики, пѣнія, рукодѣлья и т. д. распространяться здѣсь не станемъ, такъ какъ преподаваніе этихъ предметовъ разрабатывается въ спеціальной литературѣ.

На ряду съ преподаваніемъ этихъ предметовъ, полезно было бы сообщать ученицамъ школы также и нѣкоторыя спеціальныя свѣдѣнія, которыя могли бы быть сразу примѣнены на практикѣ. Изъ этихъ свѣдѣній на первомъ планѣ должны быть свѣдѣнія объ уходѣ за дѣтьми и въ частности за грудными дѣтьми. Эти свѣдѣнія особенно необходимы въ деревнѣ и не только матерямъ, но и старшимъ дѣтямъ, потому-что присмотръ за маленькими дѣть-

ми обыкновенно всецѣло возлагается на нихъ. Въ нашей деревнѣ смертность грудныхъ дѣтей,—вслѣдствіе несоотвѣтственной пищи и вообще невѣжественнаго ухода,—поразительна. Знанія въ этой области, принесенныя въ семью даже ученицами школы, были бы благодѣтельны, не говоря уже о томъ времени, когда эти знанія сдѣлаются достояніемъ самихъ матерей—крестьянокъ. На ряду съ этими знаніями, полезно было бы учить дѣвочекъ въ общихъ чертахъ уходу за больными и познакомить ихъ съ первѣйшими требованіями гігіены, научить ихъ дѣлать перевязки, промывать раны, дѣлать порѣзы. Насколько нуждается сельское населеніе въ этихъ элементарныхъ свѣдѣніяхъ—знаетъ всякій, кто жилъ въ деревнѣ. Не менѣе важно было бы, если бы каждая мать съ юности, еще на школьной скамьѣ, усвоила правильный взглядъ на вредъ отъ алкоголизма. Въ эту впечатлительную пору дѣвочка, свободная отъ какихъ либо привичекъ, легко восприметъ ту мысль, что вино—ядъ, а эта, воспринятая еще въ школьнѣйшій мысли, сможетъ въ будущемъ удержаться отъ алкоголизма ее, а черезъ нея и ея близкихъ. Кромѣ этого не лишни были бы свѣдѣнія о садоводствѣ, огородничествѣ, свѣдѣнія о сохраненіи продуктовъ и консервовъ, свѣдѣнія о приготовленіи болѣе вкусной и удобоваримой пищи и безвредныхъ напитковъ и т. д. Эти практическія свѣдѣнія, могущія сразу найти примѣненіе въ крестьянскомъ быту, будутъ оценены по достоинству какъ самими учащимися, такъ и ихъ родителями, и привлекутъ общее довѣріе къ школѣ.

Женская школа, проводя культурность въ центръ семьи, повыситъ культурность всего сельского быта, а вмѣстѣ съ тѣмъ неизбежно ослабитъ бѣгство изъ деревни наиболѣе культурныхъ элементовъ; т. е., съ постепеннымъ развитіемъ женщины цивилизація будетъ расти и укрѣпляться въ деревнѣ. Трудно представить себѣ грамотную мать, которая не научила бы гра-

мотѣ, даже помимо школы, своихъ дѣтей, которая не передала бы дѣтямъ своего религіознаго міросозерцанія, не научила бы ихъ молиться по своему. Каждая мать охотно передаетъ своимъ дѣтямъ все, что знаетъ. Если же современная крестьянка не можетъ многому научить своихъ дѣтей, то это только потому, что она сама мало знаетъ и съ грустью сознаетъ свое невѣжество. Если же она, та же крестьянка, будетъ имѣть развитый умъ и просвѣщенную душу—сколько свѣта и тепла распространитъ она вокругъ себя, какую великую пользу принесетъ она и своимъ дѣтямъ и школѣ, помощницей которой она будетъ, и всей своей родинѣ.

Да и ей самой, угнетенной и обремененной жизненными заботами и невзгодами, откроется свѣтлая область, гдѣ можетъ всегда отдохнуть ея усталый духъ. Теперь въ этой области особенно нуждается душа русской крестьянки, такъ какъ вмѣсто нея ищетъ забвенія въ разлулкѣ, въ пьянствѣ и часто въ нелѣпомъ щегольствѣ. Тягостна жизнь крестьянки. Всю тяготу крестьянской жизни выноситъ она на своихъ плечахъ; выноситъ и бѣдность, и голодъ, и побои, и смерть дѣтей. Кто извѣдалъ, измѣрилъ всю глубину скорби русской женщины-крестьянки! Сдѣлалъ ли кто что нибудь, чтобы облегчить ея участь, дать отдыхъ ея измученной душѣ?

Есть неизвѣстные, которые что нибудь для нея сдѣлали, но есть и такіе, которые вмѣсто хлѣба дали ей камень и, вмѣсто истинной цивилизаціи, толкнули ее на дорогу разврата. Какъ ни какъ, грустнымъ фактомъ остается тотъ фактъ, что деревни, находящіяся около городовъ, вмѣсто того, чтобы быть особенно просвѣщенными, отличаются особенною развращенностью жителей. Это—грустный фактъ, надъ которымъ стоитъ весьма задуматься.

Когда же придутъ иные дни? Когда же цивилизація будетъ истинной?—Тогда, когда она будетъ въ Богѣ и для Бога.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ

Ноябрь.

Рябовъ... Кто не слыхалъ объ этомъ храбрѣйшемъ охотничьей команды 284-го Ченбарскаго полка?! Напомнимъ о его славномъ подвигѣ. Онъ былъ лазутчикомъ по

своему собственному желанію. Въ китайскомъ платѣ онъ пробрался для развѣдокъ въ непріятельскій лагерь. Здѣсь онъ былъ пойманъ и преданъ военно-полевому

суду. Во время вопроса онъ рассказалъ о цѣли своего появленія среди непріятеля. Военный японскій судъ приговорилъ его къ смертной казни чрезъ разстрѣліаніе. Но прежде чѣмъ привести въ исполненіе этотъ ужасный приговоръ, него, однако, спросили, не имѣетъ ли онъ что-либо сказать передъ смертію?

— Я готовъ умереть за Царя, за отечество и за вѣру!—отвѣтилъ герой.

Врагъ, столько разъ попиравшій въ отношеніи къ намъ всѣ законы человѣколюбія и справедливости, изумился предъ духовнымъ мужествомъ русскаго солдата. И вотъ, преклоняясь предъ величіемъ подвига его, врагъ снова спрашиваетъ его: — не желаетъ ли онъ передать что-либо его родителямъ, его женѣ, его дѣтямъ, не желаетъ ли онъ оставить какой-либо предсмертный завѣтъ близкимъ ему?..

— За ласку покорнѣйше благодарю... Передайте что было...

Врагъ обѣщался исполнить предсмертныя желанія солдата. А этотъ послѣдній, въ виду приподнятыхъ заряженныхъ винтовокъ, готовыхъ сразить безстрашнаго защитника родины, перекрестившись, долго молился съ колѣнопреклоненіемъ... И можетъ-быть, враги впервые съ недоумѣніемъ слышали изъ русскихъ устъ слова молитвы, которой научился нашъ солдатикъ тамъ—на далекой родинѣ, въ родномъ селѣ Лебедевѣ, подъ родимымъ кровомъ... Ни обычныхъ криковъ „ура“, ни злобы, ни ненависти... Одна лишь чистая пламенная молитва... „Страна восходящаго солнца“ впервые, быть-можетъ, увидѣла воочию солнечный лучъ истиннаго мужества славянскаго“, которое разжигается не виномъ, заставляющимъ иногда безжалостно разбивать себя и другихъ голову, не злобою, а могучимъ сознаніемъ нравственнаго долга, яснымъ пониманіемъ того, что минута безысходной невзгоды должна, прежде всего, быть минутою молитвенныхъ слезъ...

И Рябовъ спокойно всталъ, съ словами молитвы, на мѣсто казни. И непріятель, по его собственнымъ словамъ, какъ бы сроднившись своею душою съ душою русскаго героя, съ винтовками въ рукахъ, горячими слезами оплакалъ кончину примѣрнаго солдата. Сочувствіе къ храбрецу достигло высшаго предѣла...

Но законы военнаго времени не смяг-

чили приговора суда. И чрезъ нѣсколько времени среди непріятеля, простертый на землѣ, съ зияющими ранами, въ синей китайской курткѣ, съ заплаканными глазами, неподвижно лежалъ запасный рядовой Василий Рябовъ 33 лѣтъ... Вѣчная ему память!

Почти три мѣсяца прошло уже съ того времени, какъ въ далекой Манчжуріи за вѣру, Царя и отечество умеръ доблестный русскій солдатъ... Онъ умеръ, оставивъ въ своей семьѣ блгоголовыхъ мальчугановъ, которымъ будутъ говорить, что ихъ тятка умеръ за вѣру, Царя и отечество... Его уже нѣтъ, но живъ его этотъ предсмертный завѣтъ, который въ послѣднія минуты подсказало ему православно-русское сердце, переставшее биться подъ градомъ непріятельскихъ пуль... Онъ умеръ всего 33-хъ лѣтъ, на зарѣ своей жизни, но умеръ съ яснымъ міросозерцаніемъ, съ яснымъ сознаніемъ своего долга, съ яснымъ пониманіемъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на каждаго члена нашей дорогой родины... Онъ умеръ какъ герой, какъ тотъ старый Сушанинъ, который говорилъ когда-то:

„Страху не страшусь, смерти не боюсь, Лягу за Царя, за Русь...“

Онъ принесъ себя въ жертву отечеству и, можетъ-быть, за нимъ, по его стопамъ и имъ наученные, встанутъ сотни и тысячи подобныхъ Рябовыхъ, которые будутъ безстрашно взирать въ глаза смерти, какъ мужи исполненнаго долга... Вотъ они простые наставники, истинно-русскіе „прекрасные Иваны-Царевичи“, которыхъ принимаютъ, порою, по справедливому замѣчанію одной петербургской газеты, за „Емелей-дурачковъ“... Вдумайтесь въ смыслъ и значеніе ихъ предсмертныхъ завѣтовъ. Изъ тысячи житейскихъ впечатлѣній, изъ цѣлаго ряда приобрѣтенныхъ понятій, изъ разнообразныхъ чувствованій и чувствъ, съ неотразимою силою тѣснившихся въ сознаніи умирающаго воина, всплываетъ одно живое основное чувство—чувство беззавѣтной любви къ своей вѣрѣ, къ своей родинѣ, къ своему Царю... Это—откровенная исповѣдь, исповѣдь среди ужасной обстановки, исповѣдь безъ надежды на облегченіе своего тяжелаго положенія, и потому она какъ-то невольно приковываетъ къ себѣ вниманіе. И мы не въ правѣ пренебрегать ею, не довѣрять ей... И если гдѣ, то именно въ вопросахъ вос-

питанія мы никогда не должны упускать изъ вида живую правду краткаго, но неотразимаго по своей не сложности и выразительности, завѣта Рябова, который за весь Русскій народъ показалъ намъ жизненность и характеръ міровоззрѣнія, въ которомъ должно быть воспитываемо подрастающее поколѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, что мы видимъ въ примѣрѣ Рябова, чему удивляемся, предъ чѣмъ преклоняемся? Намъ поражаетъ, несомнѣнно, то спокойствіе духа, та вѣрность своему обычному настроенію, которое дается молитвою и вѣрою. Это то сладостное ощущеніе дѣйственности молитвы и вѣры и должно быть съ дѣтства прививаемо нашимъ православно-русскимъ дѣтямъ, и въ немъ, несомнѣнно, коренятся и элементы „необходимости“, такъ необходимые намъ для защиты нашего отечества отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Вѣдь извѣстно, что живое религиозное чувство всегда было великой народной силой, которая, по выраженію святителя Іоанна Смоленскаго „безъ особенныхъ побужденій, безъ начальственнаго распоряженія, безъ всякаго насилія, а единымъ мгновеніемъ могла двинуть народныя массы къ самымъ важнымъ и тяжкимъ подвигамъ, которая, однимъ словомъ, могла вызывать голосъ народа во всю мощь потрясающаго грома и несокрушимаго дѣйствія“. Давно пора понять, что современная погоня за теоретическимъ развитіемъ ума, за одною внѣшнею, показною образованностію, безъ воспитанія воли и сердца, — вѣдь все это только призракъ воспитанія. Внѣшнимъ блескомъ никогда не опредѣляется существо дѣла. Этого въ

особенности не должно забывать теперь, когда въ Россіи, въ Петербургѣ, положено начало образованію „Фонда народнаго просвѣщенія“. Правда, еще пока неизвѣстно, какъ великъ будетъ этотъ фондъ и какъ онъ отвѣтитъ на запросы истинно Русскаго общества, но, какъ видно изъ писемъ, присылаемыхъ одновременно съ пожертвованіями въ петербургскую газету „Русь“, православно-русскому народу желательно, чтобы онъ послужилъ средствомъ къ расширенію дѣла народнаго просвѣщенія въ духѣ самобытныхъ запросовъ народа. Такъ, въ этихъ письмахъ часто слышится призывъ начать доброе дѣло „съ благословенія Божія“ и „во имя Божіе“, „съ воспоминаніемъ о заповѣдяхъ Христа и о Христѣ—Отроцѣ“, повнимавшемъ силу Писанія... Здѣсь же упоминается и о подвигѣ Рябова и о томъ, чтобы при работѣ типа народной школы не забыли завѣтовъ Рачинскаго ¹⁾ и другихъ ревнителей просвѣщенія, воспитывавшихъ народную душу. И дай Богъ, чтобы крикливые голоса самозванныхъ просвѣтителей народа не ослабили силу этихъ напominаній. Пусть съ нами и въ насъ будетъ Богъ!... Пусть школа послужитъ „созиданію Царства Божія на землѣ“. ²⁾ Пусть доброе само по себѣ начинаніе „умножитъ доброту людей для исполненія Божественной заповѣди любви“ ³⁾. Это желаніе народа, это предсмертный завѣтъ славнаго героя Рябова, и да исполнится онъ!

¹⁾ См. напр. Русь, № 293.

²⁾ Ibid. № 295.

³⁾ Ibid. № 292.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Въ 1905 году (ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

РУССКІЙ НАЧАЛЬНЫЙ УЧИТЕЛЬ

будетъ издаваться по прежней программѣ и съ особымъ отдѣломъ работъ и сообщеній НАРОДНЫХЪ УЧИТЕЛЕЙ И УЧИТЕЛЬНИЦЪ.

Обязательный объемъ остается прежній: не менѣе 25 листовъ въ годъ (въ предыдущіе годы давалось 40—50 листовъ). Лѣтнія книжки выходятъ по двѣ вмѣстѣ (№№ 6—7 и №№ 8—9).

Въ журналѣ помѣщаются многія работы и письма народныхъ учителей, разборъ новыхъ книгъ и различныя сообщенія о ходѣ учебнаго дѣла. Ежегодный конкурсъ

на составленіе чтеній для народа. Печатаются некоторыя лекціи, читаемыя во дворцѣ Великаго Князя Константина Константиновича въ г. Павловскѣ для народныхъ учителей и учительницъ.

Подписка принимается въ редакціи (Спб., Литовка, 61) только на цѣлый годъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДЪ

3 р. съ пересылкой.

Есть экземпляры за прежніе годы, кромѣ 1883, 1885, 1891, 1895, 1901 и 1903 гг. Журналъ ОДОБРЕНЪ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для народныхъ училищъ, учительскихъ семинарій и институтовъ.

Почетный дипломъ на выставкѣ Общества поощренія трудолюбія въ Москвѣ.

Дипломъ 1-й степени на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ.

На сельско-хоз. выставкѣ въ Москвѣ по отдѣлу Московскаго Комит. Грамотности дипломъ на серебряную медаль.

Золотая медаль на выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ въ 1904 г.

Редакторъ-издатель В. Латышевъ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ

при Кіевской духовной семинаріи журнала

„Руководство для сельскихъ пастырей“

въ 1905 подписномъ году.

Въ 1905 подписномъ году журналъ „Руководство для сельскихъ пастырей“, вступая въ 46-й годъ существованія, останется вѣрнымъ своей задачѣ—служить, по мѣрѣ силъ, интересамъ православнаго русскаго духовенства и содѣйствовать ему въ его святомъ и многотрудномъ дѣлѣ. Наше время особенно настойчиво призываетъ пастырей къ единодушнѣйшей и одушевленной работѣ на нивѣ народнаго образованія во имя Христа и Церкви и къ энергической борьбѣ съ врагами вѣры православной, прикрывающимися не рѣдко обманчивой личиною друзей и защитниковъ ея. Замѣтно оживъ въ послѣднее время въ русскомъ обществѣ и интересъ къ вопросамъ приходской жизни и дѣятельности пастырей, какъ устроителей и руководителей различныхъ приходскихъ учреждений. Православному духовенству, испытанному въ многолѣтнемъ служеніи русскому народу, не страшны рѣзкія нападки и обвиненія извѣстной части общества и печати, но ему полезно прислушиваться къ дружественному голосу свѣтскихъ писателей, совѣтамъ и руководственнымъ указаніямъ опытныхъ пастырей. Во взаимообобщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями опыта и самой дѣятельности пастырей, журналъ въ 1905 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ свѣдѣнія въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣй церковной и пастырской дѣятельности отечественной, восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквей.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго библиографическаго Листка“. Кромѣ того, въ 1905 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, „Богослуженіе Православной Церкви“. Выпускъ 1-й. *Божественная литургія св. Іоанна Златоуста* (параллельно славянскій и русскій текстъ церковныхъ молитвословій и пѣснопѣній съ общедоступными объясненіями подъ строкой).

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святейшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церков-

ныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во все мѣста Россійской имперіи **ШЕСТЬ** рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благотворительныхъ можетъ быть отсрочена до сентября 1905 года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ НА ЖУРНАЛЪ

„ДѢЯТЕЛЬ“

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА СЛѢДУЮЩАЯ:

- 1) Правительственныя распоряженія. 2) Статьи литературнаго, экономическаго, гигиеническаго, педагогическаго и медицинскаго содержанія. 3) Повѣсти, рассказы, стихотворенія и другія статьи бытоваго, нравственнаго и историческаго содержанія. 4) Шисьма изъ провинціи. 5) Свѣдѣнія, полезныя въ жизни. 6) Изъ жизни и печати. 7) Свѣдѣнія о дѣятельности благотворительныхъ учрежденій. 8) Борьба съ пьянствомъ въ Россіи и другихъ странахъ. 9) Свѣдѣнія о дѣятельности общества Трезвости въ Россіи и за границею. 10) Протоколы Казанскаго Общества Трезвости. 11) Критика и бібліографія. 12) Объявленія.

Подписная цѣна за годъ 2 рубля. Полугодовая подписка не принимается.

Журналъ за 1903 годъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Министер. Народ. Просвѣщ. въ бесплатныя народныя бібліотеки и читальни.

Выписывающіе за 1897, 1898, 1899, 1900, 1901, 1902, 1903 и 1904 годы платятъ 16 рублей.

Адресъ редакціи: Казань, Типографія Университета.

Черезъ редакцію журнала „ДѢЯТЕЛЬ“ можно пріобрѣтать книги, допущенныя Ученымъ Комитетомъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и народныхъ чтеній.

Редакторъ-издатель А. Т. Соловьевъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1905 ГОДЪ.

ПОЛЕМИКО-АПОЛОГЕТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„Миссіонерское Обозрѣніе“

вступаая въ X годъ своего посильнаго служенія Церкви и отечеству, въ 1905 году будетъ издаваться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ истекшіе годы. Давно переставъ быть, въ силу разносторонности и жизненности своего содержанія, узкимъ специальнымъ органомъ, „Мисс. Обзор.“ нынѣ заключаетъ въ себѣ, на ряду съ всестороннимъ изслѣдованіемъ и обличеніемъ расколо-сектантскихъ заблужденій, православно-апологетическое обозрѣніе выдающихся событій современной церковно-общественной жизни. Понимая внутреннюю миссію церкви въ широкомъ смыслѣ и значеніи, редакція „Мисс. Обзор.“ считаетъ главнѣйшими и существеннѣйшими своими задачами въ наше духовно-смутное время—1) миссію среди интеллигенціи, примиреніе ея съ церковью путемъ удовлетворенія ея религіозныхъ запросовъ всестороннимъ выясненіемъ вопросовъ вѣры и духовной жизни; 2)—объединеніе съ православною церковью русскихъ людей, отторгшихся отъ православія; 3) огражденіе вѣрныхъ чадъ отъ вовлеченія въ расколъ и ереси; 4) охраненіе нетвердыхъ въ вѣрѣ отъ соблазна и колебаній, и, наконецъ, 5) возвращеніе къ истинѣ заблудшихъ отщепенцевъ.

Въ 1905 году „Миссіонерское Обозрѣніе“ будетъ выходить *двухнедѣльными* выпусками въ объемѣ 8—10 и болѣе листовъ (за исключеніемъ пасхальныхъ и лѣтнихъ каникулъ, когда журналъ выходитъ по 1 книгѣ въ мѣсяцъ); всего въ теченіе года подписчики получатъ:

1) *20 книгъ журнала* (около 200 печатныхъ листовъ).

2) *Два бесплатныхъ приложенія:*

I. „*Миссіонерскій путеводитель по св. Библіи*“. Діак. *И. Смолина*, въ 4 отдѣлахъ. Изд. въ портативномъ форматѣ и разослано будетъ въ переплетѣ.

II. „*Церковная исторія въ пастырскихъ поученіяхъ*“, прот. *Н. Русанова*, — книжка, заключающая въ себѣ поученія и бесѣды о жизни и дѣятельности святыхъ угодниковъ и церковныхъ учителей, начиная съ Климента Александрійскаго и кончая св. Серафимомъ Саровскимъ.

Подписная цѣна за годъ съ приложеніями—6 руб., за границу 8 руб. Для бѣдныхъ церквей и причтовъ—разсрочка: 3 руб. при подпискѣ, и 3 руб. къ св. Пасхѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (С.П.-бургъ Невскій, 153), въ Москвѣ—въ Синодальной Типографіи, а также въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ во всѣхъ городахъ.

Подробные проспекты на 1905 годъ—*бесплатно*. Пробная книжка журнала высылается за 50 коп. почт. марка, съ наложеннымъ платежомъ на 10 к. дороже. Комплекты журнала за прежніе годы (кроме 1897 и 1900) продаются 4 руб. за годовой экземпляръ (безъ пересылки).

Редакторъ-издатель *В. М. Скворцовъ*.

Епископа Никона

вышла новая книжка

„ТРОИЦКОЙ НАРОДНОЙ ВѢСДЫ“

№ 26-й:

ГОСПОДИ СИЛѢ,

СЪ НАМИ БУДУ!

Цѣна 3 к., съ перес. 5 к.

Адресъ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію „Троицкихъ Листковъ“.

ПОСТОЯННАЯ ПОДПИСКА

**ЖИВОПИСНОЕ ОПИСАНІЕ
МОНАСТЫРЕЙ И ОБИТЕЛЕЙ.**

Роскошное иллюстрированное изданіе въ 10 вып. по подпискѣ 3 р. съ пер. Вышло 6 выпусковъ, 7-й печатается.

Адресъ: г. *Серпуховъ*, № 379, *Н. А. Величкова*. Складъ изданія: Москва, М. Полянка, д. Сердобинскаго, переплетная Ломакиной.

СОДЕРЖАНІЕ: *Жестокость въ воспитаніи. Димитрія Введенскаго. — Внешкольная жизнь деревенскихъ дѣтей. Свящ. Иоанна Молебнова. — Изъ дневниковъ наблюдателей. Картинки и очерки изъ школьной жизни. Свящ. В. Востокова. — Изъ учительскихъ дневниковъ. Листки изъ дневника учителя-крестьянина. Учит. Е. Куликова. — Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школь). — Изъ періодической печати. Необходимость школь грамоты для дѣвочекъ. — Нашъ дневникъ. — Объявленія.*

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 24-я (пять статей).

Редакторъ Епископъ НИКОНЪ.

Подписная
цѣна на
журналъ 1 р.
съ перес.; вы-
ходитъ
ежемесяч-
но.

Печатать дозволяется. Визанія. Ноября 12 дня,
1904 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной
Семинаріи, Протоіерей *А. Вгльевъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.
За перемѣну адреса 25 коп.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ по-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.

Содержаніе ежемѣсячнаго изданія „Божія Нива“ за 1904 годъ.

Отдѣлъ I.

1. Могушественный воспитатель народной души. *Д. Введенскаго* . . . 2, 38
2. Корни великаго зла. *Свящ. І. Молебнова* . . . 45
3. Сила великая. *Учит. С. Козубовскаго* . . . 9
4. Психологическая загадка (Къ Тверскому инциденту). *Учит. Н. Нигитскаго* . . . 42
5. Простая разгадка. *А. Н.* . . . 47
6. Творчество въ воспитаніи. *Д. Введенскаго* . . . 69
7. Новый опытъ въ старомъ дѣлѣ. *А. Уварова* . . . 74, 107
8. Свѣтло-радостные дни. *Д. Введенскаго* . . . 101
9. Первая заутреня. *К. П. Пономосцева* . . . 102
10. Какъ воспитывается неблаго- воспитанность. *А. І.* . . . 104
11. Противъ теченія. *Д. Введенскій* . 130
12. О праздничномъ хлѣбѣ духов- номъ для народа. *Свящ. В. Востокова* . 137
13. Школа въ борьбѣ за трезвость. *Д. Введенскаго* . . . 154, 143, 6, 164
14. Въ поискахъ за честью. *Д. Введенскаго* . . . 177
15. Народная Хрістоматія. *Учит. С. Козубовскій* . . . 149, 6.
16. Чтенія съ тѣневыми картинами о пьянствѣ. *Свящ. І. Молебнова* . . . 166
17. Жестокость въ воспитаніи. *Д. Введенскаго* . . . 188, 220, 306
18. Внѣшкольная жизнь деревен- скихъ дѣтей. *Свящ. І. Молебнова* . . 309

Отдѣлъ II.

1. Письма С. А. Рачинскаго къ Г. А. Толстому . . . 11, 55
2. Въ народной библиотекѣ читаль- нѣ. *Свящ. І. Молебнова* . . . 49
3. Въ добрый часъ. *С. Г.* . . . 189
4. Божій лучъ. *С. Козубовскій* . . . 192
5. Свѣтлыя думы крестьянина. *Свящ. О. Введенскаго* . . . 229

Отдѣлъ III.

(Изъ дневниковъ наблюдателей).

1. Путевыя впечатлѣнія. *Свящ. В. Востоковъ* . . . 198

2. Картинки и очерки изъ школь- ной жизни. (Одинъ изъ малыхъ сихъ). *Свящ. В. Востокова* . . . 316

Отдѣлъ IV.

(Изъ учительскихъ дневниковъ).

1. Маленькій Рачинскій. *Учит. С. Козубовскаго* . . . 14
2. Два крестьянина. *Учит. С. Козубовскаго* . . . 79.
3. Листки изъ дневника учителя крестьянина. *Учит. Е. Куликова* . 83
4. Мѣрская подвижница. *Учит. С. Козубовскаго* . . . 139
5. Изъ моей школьной дѣятельно- сти. *Т. А. Гр.* . . . 160, 182
6. Ребяшки виноваты. *К.* . . . 171
7. Скорбная страничка изъ дневни- ка стараго учителя. *Н. В.* . . . 203
8. Духовный обликъ нашихъ школьниковъ по воззрѣніямъ С. А. Рачинскаго. *Учит. С. Козубовскаго* . 223
9. Встрѣча. (Изъ дорожныхъ впе- чатлѣній). *Учит. С. Козубовскаго* . . 232

Стихотворенія:

1. Учителю. *Учит. С. Козубов- скаго* . . . 18
2. Учительница. *Свящ. А. Державинъ* . . . 87
3. Памяти А. П. Мироносицкаго. *Учит. С. Козубовскаго* . . . 121
4. Народному учителю. *Свящ. А. Державина* . . . 142
5. Родной школѣ. *Учит. С. Ко- зубовскаго* . . . 165
6. У портрета С. А. Рачинскаго. *Учит. С. Козубовскаго* . . . 239

Отдѣлъ V.

(Посѣвы и всходы).

- XXV. Мѣры къ поднятію церковно- сти въ школахъ. . . 18
- XXVI. Бесѣда Архипастыря съ ду- ховенствомъ по вопросамъ церковно- школьнаго дѣла. . . 59
- XXVII. Симпатичный примѣръ отно- шеній Архипастыря къ своимъ епар- хіальнымъ школамъ . . . 89

XXVIII. Патриотическіе отклики дѣтей на войну	122
XXIX. Прощальная бесѣда учителя съ учениками въ день разлуки ихъ со школой	142
XXX. Дѣтскія игры—важное воспитательное средство	166
XXXI. Дѣвушка-учительница, какъ лучшая воспитательница школы	189
XXXII. Два свѣтлыхъ примѣра полезнаго и самоотверженнаго служенія учительницѣ	155
XXXIII. О необходимости большаго просвѣщенія будущихъ крестьянокъ-матерей	177
XXXIV. Гигіена народной жизни и ея лучший проводникъ—школа	209
XXXV. Симпатичная дѣятельность женскихъ монастырскихъ школъ	240
XXXVI. Добрыя рѣчи къ труженикамъ школы	323

Отдѣлъ VI.

(Библиографія).

1. Какъ писать сочиненія	31
2. Царство Божіе	63
3. Народная читальня	96
4. Царствующій домъ Романовыхъ	148
5. Воскресный благовѣстъ	172
6. 1. Молитвы, священная исторія и Богослуженіе православной Церкви	
2. О вѣрѣ и жизни хрістіанской	173
7. Малое слово о великой книгѣ	159
8. Золотая пчелка	180

Отдѣлъ VII.

(Изъ періодической печати).

1. Воспитаніе учителей второклассниковъ. <i>Свящ. П. Благонадежинъ</i>	28
2. Памятныя наставленія Архипастыря. <i>Свящ. А. Борисовъ</i>	94
3. Значеніе женскихъ второклассныхъ школъ. <i>А. Угловъ</i>	170

4. Къ организаціи вышшихъ народныхъ школъ	212
5. Школы и народныя чтенія въ борьбѣ съ пьянствомъ. <i>Свящ. Г. Рудинскій</i>	244
6. Необходимости школъ грамотности для дѣвочекъ	327

Отдѣлъ VIII.

(Переписка нашихъ читателей).

1. Зернышки Божіей Нивы упали на добрую почву. <i>Святитель П. Подольскій</i>	139 б.
---	--------

Отдѣлъ IX.

(Нашъ дневникъ).

1. Куда мы идемъ?	33
2. „Дѣтская выставка“ въ виду желанныхъ условій воспитанія дитяти	64
3. Благодарность ред. „Троицкихъ Листковъ“ за всѣмъ сочувствующимъ издательскому дѣлу по случаю 25-лѣтняго юбилея ея	99
4. Что преподносится иногда въ каталогахъ для чтенія православно-русскому грамотею?	127
5. Святительское и іерейское благословеніе	148
6. Война и дѣтскій патриотизмъ	173
7. Важность молитвеннаго единенія дѣтей въ дни церковныхъ празднествъ	140
8. Странная замѣтка по адресу церковной школы Подольскаго губ.	161
9. Дѣтское самолюбіе, какъ источникъ великихъ золъ (по поводу печальныхъ явленій современной дѣтской жизни)	182
10. Народная жажда правды Божіей и средства къ ея утоленію	215
11. Злоба на церковную школу въ виду добраго отзыва о ней	248
12. По поводу завѣтовъ героя Рябова	329

Въ 12-ти книжкахъ „Зернышекъ Божіей Нивы“ на 704 страницахъ за 1904-й годъ помѣщено до 54 статей для дѣтскаго чтенія. Содержаніе статей имѣется на первой страницѣ каждой книжки.

При нумераціи страницъ въ журналѣ „Божія Нива“ въ №№ 31, 32, 33, 34, 35, случайно уменьшенъ общій счетъ ихъ. Въ послѣднемъ номерѣ эта ошибка исправлена и восстановленъ надлежащій счетъ страницъ, по которому въ нашемъ журналѣ за минувшій годъ было напечатано всего 336 стр.

